



МОЯ ВОЙНА

Юрий Слатов

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Юрий Слатов

Моя война

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Слатов Ю. А.

Моя война / Ю. А. Слатов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Великая Отечественная война стала подвигом всего советского народа. На войну в Афганистан отправляли по приказу и офицеров, и солдат. У каждого, кто был "за речкой", была своя война: кто-то все два года участвовал в боевых действиях, а кто-то ни разу не выстрелил из автомата. Повесть "Моя война" - история жизни и службы автомобильной роты ОБМО 5-й гвардейской мотострелковой дивизии, которая дислоцировалась в Шинданде. Это простой правдивый рассказ о солдатском долге, о дружбе, о тоске по своим близким, о человеческих отношениях на войне. Содержит нецензурную брань.

© Слатов Ю. А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Об авторе	5
Отзывы о книге	6
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	13
Глава третья	15
Глава четвёртая	21
Глава пятая	25
Глава шестая	32
Глава седьмая	37
Глава восьмая	45
Глава девятая	49
Глава десятая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Об авторе



Юрий Слатов. Дитя гарнизонов. Родился, рос, учился, женился в разных городах нашей необъятной страны. Тогда ещё СССР. Посему и Родиной своей считает великий Советский Союз. Именно он воспитал, дал образование и закалил настоящего офицера. Настоящего – потому что воевал не только в учебных классах и на учебных полигонах. Замполитом роты два года он выполнял интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан. А ещё всегда рядом с Юрием Слатовым была и остаётся гитара. Написав два десятка песен на той войне, он стал одним из самых известных авторов-исполнителей афганской песни. Впоследствии творчество стало не только увлечением офицера, но и его службой. Ныне Юрий – полковник Воздушно-десантных войск, директор легендарного ансамбля «ГОЛУБЫЕ БЕРЕТЫ», заслуженный артист России.

«Мне в жизни очень повезло, – считает сам автор, – я испытал целый букет настоящих чувств и эмоций. Я знаю любовь, потому что когда влюбился в свою будущую жену, у меня «снесло крышу». Я знаю войну не по кинофильмам. Я знаю, что такое успех и популярность, к которым никогда не стремился, но они обрушились на меня неожиданно и со всеми вытекающими из этого последствиями. Я радуюсь, как ребёнок, когда слышу, что мою песню поют другие люди и она им нравится. Всё это расставлено по полочкам моей души, моих воспоминаний. Годы, проведённые в Афганистане, – это отдельная глава моей жизни. Это совершенно иная атмосфера существования. Это повседневная тоска по родным и радость от сопричастности к мужской работе. Это ежесекундное ожидание замены и слёзы на глазах оттого, что надо прощаться с друзьями. Всё это в моих песнях. Но впервые я решился рассказать о том, почему мне хотелось их написать. О нашей жизни там. За речкой. Не о смерти, а о Жизни».

ОТЗЫВЫ О КНИГЕ



Чем дальше от нас годы Афганской войны, тем чаще возникает желание оглянуться назад. Мысленно вернуться в свою молодость, к своим боевым друзьям. Поэтому каждая песня, а уж тем более литературное произведение, – это тот мостик памяти, по которому возможно волшебным образом перейти время и оказаться в своём прошлом. Я благодарен Юрию Слатову, которого знаю ещё с капитанской поры, за то, что он заставил меня забыть на несколько часов о делах. За то, что захотелось пересмотреть свои старые афганские фотографии и выпить «фронтовые» сто граммов с полковыми товарищами. Уверен, что такие же чувства испытают все, кто два года своей жизни отдал Афганистану. Самоирония и юмор автора придутся по душе и широкому кругу читателей. Ну, а песни Слатова давно уже стали классикой «афганского» жанра. Поздравляю Юрия с удачным дебютом на новом поприще!

*Франц Клинецвич,
Лидер Российского Союза ветеранов Афганистана, депутат Государственной
думы РФ, кавалер двух орденов Красной Звезды.*



Я очень рад, что наш Алексеич «созрел». Я видел, как долго он вынашивал идею, что-нибудь написать о своём ОБМО – автомобильном батальоне. А уж сколько слышал от него «бак» о службе в Афгане, что не сомневался – у Юрки получится хорошая повесть. И вот я читаю эту книжку, и что вижу? О десанниках почти ничего! Даже расстроился. Шутка! Алексеич – молодец! Очень по-доброму он рассказал о службе тех, кого действительно не баловали наградами. И ещё мне понравилась точность в описаниях неприметных деталей нашего быта в Афгане. Ощущение такое, что снова зашёл в свой модуль, пообедал в нашей офицерской столовой или поиграл в футбол на нашем пыльном стадионе. Легко читается и душевно вспоминается.

*Сергей Яровой, основатель и художественный руководитель ансамбля ВДВ
«Голубые Береты»,
Заслуженный артист России, кавалер двух орденов Красной Звезды.*



Не зря говорят, что если человек талантлив, то не только в одном. Юрка написал отличные песни... а теперь написал отличную книгу. Она отличается от того, что я читал раньше об Афганистане. Художественная литература о той войне всегда вызывала во мне жгучий интерес. Первый, кого я читал, – Проханов. Для меня это оказалось... не то. И вот я читаю... да, я хотел, чтобы это было написано именно так, и никак не ожидал, что это сделает мой друг Юрка Слатов.

Да там про меня есть!!! Как интересно смотреть на себя со стороны... Мы всегда о себе думаем чуть лучше, а о других чуть хуже? Именно так мне показалось, когда я начал читать эту книгу: «...Он неправильно меня изобразил! Я не другой, я лучше!» – но я ничего не сказал. Он так меня видит. И других видит по-другому, не так, как я...

Читается легко, на одном дыхании. Спасибо, Юра, за то, что ты вернул меня в ту нашу тревожную молодость, за яркие образы наших друзей и сослуживцев, за то, что не побоялся написать все, как было, за то, что пронес это через всю свою жизнь...

Многое стерлось из памяти. Эта книга останется на века. Я обычно попадаю в истории, а здесь, похоже, войду...

Владимир Кичаев, бывший секретарь комитета ВЛКСМ ОБМО



Заходишь в книжный магазин и понимаешь: сегодня в России не пишет только ленивый... Домохозяйка строчит детективные романы, секретарша – мемуары, на полках с военной литературой – всё больше вольный пересказ статей из Интернета. Пожалуй, сделано всё, чтобы мы, читатели, «глotalи» незатейливые книжки, точно куски омлета... Как непросто сейчас, должно быть, решиться написать о сокровенном своём, о невыдуманных чувствах, о людях, бок о бок с которыми прожиты, возможно, лучшие годы. На войне как на войне... Добрая, сочная... и честная повесть, без налёта показной жанровости, без вычурной патетики, она очень деликатно возвращает нас в лоно хорошей литературы, которая на самом деле продолжает существовать и всё увереннее пробивает себе дорогу к читателю сквозь толщи книжного мусора...

Конечно, главный герой узнаваем! Бравый десантник с телеэкрана, полковник, заслуженный артист России Юрий Слатов и лейтенант Фадеев, чей образ вроде бы далек от романтического, на самом деле единое целое. И объединяет их не только схожесть биографии, но прежде всего неустанная работа души, удивительный, особый дар – человечность, помноженная на талант.

Очень хочется читать и перечитывать, впитывая в себя это струящееся тепло...

*Наталья Плотникова, основатель и руководитель интернет-портала
«Автомат и гитара» – лучшего сайта о военной песне*



Время бессильно, пока живет память...

Странно, но родившееся в 80-е годы XX века поколение россиян практически ничего не знает о «неизвестной» афганской войне – войне, шедшей и уносившей жизни наших солдат тогда, когда оно – это поколение – только появлялось на свет. Сейчас это поколение уже само воспитывает своих детей... Прошло не так много лет, но в школьных учебниках истории об ОКСВА можно прочесть только несколько скупых фраз, цифр и дат, за которыми стоят десятки тысяч погибших, сотни тысяч ветеранов и инвалидов, миллионы родных и близких тех, кто воевал, кто потерял здоровье и стал инвалидом, тех, кто погиб, тех, кто попал в плен...

Странно, но эта геометрическая прогрессия так или иначе включенных в афганскую «тему» показывает, что война эта дала метастазы практически на все общество, хотя до сих пор остается неизвестной, несмотря на свободу слова, многочисленные документальные и художественные фильмы, официальную статистику и официальные даты.

Странно, но за постсоветские годы мало кому удалось откровенно и популярно рассказать об Афганистане в художественной литературе. Наверное, потому, что слишком больно вспоминать, но невозможно не помнить...

Книга Юрия Слатова восполняет пробел о «неизвестной войне» прежде всего своей достоверностью. Оставаясь художественным произведением, повесть во многом документальна и автобиографична. Спасибо автору за память о людях, с которыми он служил и воевал, потому, что именно память является единственной гарантией против новой войны и единственным мерилom общечеловеческих ценностей.

Наталья Блинникова, автор проекта, продюсер, директор Всероссийского телевизионного патриотического фестиваля «Россия Молодая», г. Красноярск

Часть первая

Глава первая

У каждого своя война.

Моя война началась в среду.

Вот не забуду лицо своего ротного – Сашки Буданова, когда в понедельник, на батальонном разводе, наш комбат майор Шиповников вдруг объявил: «Замполиты отдыхают по средам!» То ли настроение у комбата было хорошее, то ли погода повлияла на майора, но приказ был отдан. Ротный мой, хоть и был мне другом и соседом по квартире, воспринял сей декрет как личное оскорбление – с какого такого вдруг у замполита есть теперь «законный» выходной? То, что я, как его заместитель по политической части, все праздники и выходные дни сидел в казарме с солдатами, было для него нормой. Как, впрочем, и для всех в части. Как, впрочем, и для меня. Такая вот армейская «выходная» специальность.

Жена не поверила. Сначала подумала, что разыгрываю. Потом засуетилась вся. Заулыбалась. Какие-то планы так и полезли из неё, как фарш через мясорубку. А потом вся сникла. Опомнилась. Поняла, что в данном случае слово «выходной» не есть равное слову «воскресенье». А в среду она работает. Что опять всё не так, как у людей. «Ладно. Хоть с сыном побудешь!» – как вилку в розетку вставила.

В конце октября, когда сальские бескрайние степи уже готовы к встрече зимы, в наших бараках, гордо именуемых ДОС – домами офицерского состава, было чувствительно прохладно. Особенно к утру, когда остывала печка, с вечера неумело накормленная местным угольком. Неумело – ибо и я, и жена, и уж тем более наш годовалый сын были коренными детьми города, и печь эту мы увидели впервые всего несколько месяцев назад. Волею Судьбы и вышестоящих начальников меня, молодого лейтенанта Фадеева, назначили замполитом роты охраны в дисциплинарный батальон, что растворился в этих самых казачьих ростовских степях. Моя молодая жена с нашим первенцем на руках смело шагнула вслед за мной в старый холодный барак из трёхкомнатной благоустроенной квартиры престижного сибирского Академгородка.

Закрутилось-завертелось: привыкли. К встречам рано утром и поздно вечером в полусонном, размякшем состоянии. К телефонному звонку: «Олька! Беги скорей в магазин! Колбасу привезли!» К родному донбасскому антрациту – угольку, единственному источнику тепла. К холодной воде в кране. К огромному абрикосовому дереву у крыльца нашей квартиры. К сортиру, одному на всех, на улице. Даже полюбили всё это за полтора года: и дерево, и барак, и печку, будь она неладна! И, конечно, соседей за тонкой фанерной стеной – семью моего командира роты. Сашку и Ленку Будановых. С трехлетней дочкой Наташкой, которую все жители нашего небольшого гарнизона почему-то сразу выдали замуж за моего сына – пока ещё бессловесного Игоря Юрьевича Фадеева. Вот только выходной мы с Олей полюбить не успели. Ибо его у меня никогда не было. Вот такая армейская, «безвыходная» специальность.

Первое, что сделала жена в мой первый законный выходной, – постучала в стену нашим друзьям-соседям и негромко прокричала:

– Ленка!!! Лен!

Услышав в ответ знакомое «чо?», проинструктировала:

– Лен! Днём посмотри, чтоб Юрка Игоря покормил. Отправь потом их погулять на полчаса, если температуры не будет.

– Ладно!

«Вот так. При живом муже и отце ситуацию в моём доме будет контролировать соседка», – подумал я. Без обиды. А какая обида? Что обижаться-то? Со своим маленьким сыном наедине я оставался крайне редко. Зная это, заботливая молодая мама просто подстраховалась. И пошла, ветром гонимая, на работу. За пять километров в соседний посёлок, где вот уже два месяца работала медсестрой в поликлинике. Пешком. Если повезёт, то на автобусе. Но везло ей редко.

Игорь Фадеев, мой годовалый малыш, приболел. Простудился. Ночью он капризничал, хныкал, постанывал во сне, иногда пускаясь в протяжный рёв. А к утру, вконец утомлённый, заснул. Поэтому Ольга не забрала его с собой, чтобы сдать в единственные поселковые ясли. Проводив жену на работу, пощупав лобик малышу, ощутив нормальную температуру, я радостно помчался в туалет.

Где-то в Азии есть некий столб, который все почитают как центр Азии. Не сомневаюсь, что в Европе есть нечто подобное. И все безоговорочно признают это центром Европы. В нашем жилом городке центром мироздания был общий туалет. Женщины – слева, мужики – справа. По одному с каждой стороны. Через дощатую перегородку. С полным объёмом всех акустических эффектов. С глубоким пониманием интимности, но необратимости процесса. Маленького или большого. Вечернее меню каждой семьи было, как говорится, на слуху. Но, как ни странно, своё общее отхожее место мы ценили и, можно сказать, уважали. И не только с физиологической точки зрения. Именно здесь по утрам обсуждались планы на день, а вечером подводились итоги. Чему способствовала постоянная очередь и доброе отношение друг к другу жителей нашего военного городка.

Мне в это утро повезло – очереди не было. Все уже давно были на службе. А у меня выходной! Среда. 17 октября 1984 года.

Глава вторая

Служебный телефон затрезвонил часиков в двенадцать. Солдат на коммутаторе равнодушно сообщил, что на связи будет замполит батальона.

– Лейтенант Фадеев, – представился я, услышав голос своего начальника.

– Приветствую, Юрий Алексеевич! Как отдыхается?

Меня сразу насторожили неестественно нежные для нашего замполита нотки в голосе. Первое, что пришло в голову: «Сейчас отправит куда-нибудь старшим машины...»

– Спасибо, товарищ майор, нормально. Дома, с сыном.

– Юрий Алексеевич! Тут вот какое дело...

«Ну, так и знал! Выходной закончился. Игоря надо отдавать Ленке...» – параллельно с паузой замполита успел подумать я. Голос у майора Теплинского стал ещё добрее:

– Тебе надо завтра утром быть в Ростове, в политуправлении округа. Вызывают.

– А по какому вопросу? – я сразу успокоился, ибо понял, что самое страшное позади – выходной не отменяется.

Снова пауза. Замполит части вздохнул и уже тверже объявил:

– Для оформления загранпаспорта. Ты убываешь в Афганистан.

– Ничего не понял. Вы же говорили, что из дисбата в Афган не берут.

Не только мой политический начальник майор Теплинский, но и все командиры, видя моё угнетённо-расстроенное состояние после назначения в дисциплинарный батальон, всегда говорили мне:

– Да не горюй ты так, лейтенант. Нет худа без добра! Зато в Афганистан не попадёшь. У нас специальный приказ министра обороны для дисциплинарных батальонов, по которому офицер после пяти лет службы в этой заднице сам выбирает себе место замены...

И я так твёрдо уверовал в могучую силу приказа министра, что просто исключил для себя возможность оказаться на афганской войне. По крайней мере в ближайшие годы. Поэтому то, что мне сказал по телефону замполит батальона, не испугало меня, не вогнало в состояние стресса или паники, а вызвало лишь недоумение.

– Фадеев! Мне позвонили из политуправления округа и дали распоряжение. Видите ли, у них там план замены... – Теплинский начал оправдываться передо мной. И это было так необычно для моего начальника, что мне стало неудобно.

– Я понял, товарищ майор. Завтра утром поеду в штаб округа.

Все новости в нашем гарнизоне разносились молниеносно. А уж тем более такая! Во всех квартирах разом зазвонили телефоны, траурным хором запричитали все жёны. Перепрыгнув через забор, примчался с соболезнованиями мой ротный. Единственный, кто в нашей части отвоевал два года в Афгане, секретарь партийной организации батальона майор Цымбарь тут же по телефону начал инструктировать меня по поводу, что брать и что не брать с собой. Вечером, когда это событие стало уже не новостью, а событием дня, вернулась с работы моя жена. Она единственная в городке ничего не знала и поэтому не могла понять тех жалостливо-сочувствующих взглядов, которыми встречали и провожали её подруги, когда шла она по направлению к нашему дому.

– Юр, у нас всё в порядке? Как Игорёк? – первое, что спросила она, закрыв за собой дверь.

– Всё нормально. Покушали, погуляли немного.

– А что это все так на меня смотря? – Ольга начала раздеваться в прихожей.

– Смотрят? Соскучились! – я попробовал пошутить. Вышло не очень, – я завтра утром уезжаю в Ростов...

– Опять командировка?! Ты ведь только вернулся из этой Ковалёвки неделю назад.

Под Ростовом-на-Дону, в деревне Ковалёвке, рота осужденных из нашего дисциплинарного батальона строила какое-то хранилище. Офицеры периодически убывали туда на месяц нести службу. Вот в такой командировке я и был совсем недавно.

– Нет, не в Ковалёвку. Чуть дальше. Меня отправляют в Афганистан!

– Завтра?! – Оля взяла на руки сына. Застыла. И сразу превратилась в скульптуру «Мать и дитя». Ужас в глазах.

– Нет. Завтра только вызывают в Ростов для оформления документов. Дадут, наверное, время собраться.

Сказав жене «наверное», я был уверен, что времени до окончательного убытия у меня будет достаточно. Но я ошибся.

Заместитель начальника политуправления Северо-Кавказского военного округа генерал Зинченко говорил со мной как отец родной: называл по имени, чаю предлагал, о семье расспрашивал. И всё оттого, что прекрасно понимал – случай особый. Во-первых, нарушается приказ министра обороны, во-вторых, отправить этого лейтенанта в Ташкент необходимо через три дня, один из которых надо полностью посвятить оформлению загранпаспорта. Давил на партийную, комиссарскую сознательность: «Ты же коммунист, Фадеев!» В этом я тогда не сомневался, поэтому всё происходящее воспринимал как должное. Только одно обстоятельство серьёзно портило настроение – как же семья? Оставить Ольгу с маленьким сыном в нашем военном городке, в холодном бараке?! Такая абсурдная мысль мне даже в голову не приходила!

Домой я вернулся поздно вечером. В кармане у меня лежал синий служебный загранпаспорт и квитанция от телеграммы отцу: «Срочно приезжай за моими тчк Убываю в Афганистан тчк Юра тчк».

Весь следующий день я пробегал в батальоне, оформляя документы на убытие. А вечером к нам домой пришёл весь городок, чтобы душевно проводить меня на войну. Желали здоровья и удачи, бодрости духа и терпения. Как-то неубедительно для нас с Ольгой звучали слова, что два года – это пустяк: пролетят – не заметите!

Когда разошлись по домам сослуживцы, мы с женой сели за неубранный ещё стол и долго говорили обо всём. О каких-то пустяках, о грустном и весёлом – словно хотели наговориться на два года вперёд. Потом я взял гитару и спел несколько любимых Олькиных песен, записав их на магнитофон. Туда же, на кассету, произнёс трогательную речь, обращаясь ко всем родным, – попросил любить и не забывать меня, а в случае чего – всемерно помогать моей жене растить сына. Получилось пафосно и печально, как в индийском кино. Ольга всплакнула. В общем, все сценарные атрибуты расставания были соблюдены.

Пока мы с женой духовно уединялись, наш годовалый ребёнок, оставшись без внимания, захотел пить. Он обошёл весь стол и допил всё то, что осталось в рюмках после гостей. И, хотя там почти не было спиртного, этого «почти» хватило ему, чтобы спеть нам во хмелю какую-то буйную тарабарскую песню и рухнуть, как подкошенному, спать. Это был его первый опыт в употреблении горячительных напитков. Поэтому в ту ночь наш Игорёк спал особенно крепко и не слышал всех тех взрослых звуков, которые раздавались в нашей маленькой комнате. Звуков, которые создала сама природа в интимных отношениях двух любящих друг друга людей. Двух людей, которые прощались на долгих два года. А быть может, и навсегда.

Глава третья

В Ташкенте было ещё по-летнему жарко. С двумя неподъёмными жёлтыми чемоданами, в которые еле уместились те вещи, которые мне настоятельно советовал взять с собой в Афганистан бывалый майор Цымбарь, я выпал из самолёта. Рано утром вполз в бюро пропусков штаба Туркестанского военного округа. Так как офицеров на службе ещё не было, дежурный милосливо разрешил мне подождать своей дальнейшей участи в каком-то учебном классе. Первое, что я увидел, зайдя в этот небольшой зал, была огромная карта Афганистана на всю стену. Она была подробной, с поднятым рельефом местности. Горы, опять горы, снова горы – цвета карты не отличались многообразием. Лишь в некоторых местах пробивалась зелень. В основном же доминировали коричневые тона гор и жёлтые – пустынь. Я долго всматривался в эту картину, словно хотел увидеть своё ближайшее будущее. Ведь пройдёт всего несколько дней, и я стану частицей этой карты.

– Что, лейтенант, в Афган?

Я вздрогнул от неожиданности. Посмотрел в угол класса и только тогда увидел, что нахожусь в нём не один. За дальним столом, составив стулья для минимального удобства, чтобы спать, лежал майор. Вернее, уже не лежал, а поднимался, доброжелательно поглядывая на меня.

– Так точно, товарищ майор, в Афганистан.

– Меня Витя зовут. Витя Чехов.

Он протянул мне руку. В нашем дисциплинарном батальоне было всего три майора. Это воинское звание было для меня достаточно высоким и никак не ассоциировалось просто с именем. Тем более что и по возрасту товарищ майор был значительно старше меня. Я растерялся, смущенно пожал его крепкую руку.

– Лейтенант Фадеев.

– А зовут-то тебя как, лейтенант? Имя у тебя есть?

Я кивнул головой. Он продолжал:

– Мы ж свои, с Афгана! Я с артполка 103-й десантной дивизии. А ты? Или только едешь? Куда?

«Ух, ты! – подумал я. – Ещё не успел доехать, а уже «свои»!» Но стало отчего-то приятно.

– Юра. Ещё не знаю, куда меня. Вроде в Ростове говорили, что в Гератский полк.

– Ага. Понятненько. С Кавказа, значит. «Чижик»! Я вот вчера поздно вечером прилетел из Кабула. Груз привёз. Вот, всю ночь здесь на стульях кантовался. Жду теперь, видите ли, их решения.

Майор потянулся:

– Слушай! Так ты небось с дороги? Не проголодался? Чего-то жрать охота.

Майор – десантник Виктор Чехов – был на редкость разговорчивым человеком. Через полчаса я уже знал, что груз у него особенный – двести килограммов какого-то лекарства – наркотика. Что это боевой трофей, который взяли десантники на операции. А мой Герат – это на иранском направлении. Что воюет там 101-й мотострелковый полк, который недавно огрёл больших пиндюлей. Что уже пора выпить союзной водочки. Что мечтает он вырваться хотя бы на денёк-другой домой, в Тулу. Что штабные здесь, в Ташкенте, козлы. И что срочно надо сходить куда-нибудь позавтракать... А ещё через полчаса я знал про Витю Чехова буквально всё. Его родители, жена, двое детей, сестра, которая живёт в Москве, и младший брат стали мне родней. А все десантники Витебской дивизии – моими боевыми товарищами. И хотя Витя с ужасом смотрел на красный околыш моей фуражки и постоянно повторял: «Юрок! Ну, как можно ходить в таком мабутовском цвете?» – крепко ощущение, что он, соскучившись по новому, «свежему» человеку, сразу расположился ко мне по-дружески. А ещё ему, видимо,

очень импонировало то, что слушал я его внимательно, раскрыв рот от интереса, сразу признав в нём величайший боевой авторитет.

За мной пришли и провели в кабинет «направленца за речку». Так назвал этого полненького подполковника сопровождавший меня старший лейтенант.

– С прибытием вас, Юрий Алексеевич, в Краснознаменный Туркестанский военный округ, – официальности в голосе его не было, скорее привычное приветствие для тех офицеров, кто прикатил из других округов и групп войск.

– Итак, товарищ лейтенант, вы отбываете для выполнения своего интернационального долга в Демократическую Республику Афганистан. По прямой замене. В 101-й мотострелковый полк. Расположен он в Герате. Вместо замполита восьмой роты старшего лейтенанта Котельникова, – прочитал он моё предписание. Протягивая мне бумагу, дежурно уточнил:

– С делами рассчитался? Квартиру получил?

– Так точно, должность и дела сдал. Какую квартиру? Ничего я не получал...

Подполковник одёрнул от меня руку с командировочным предписанием и поморщился, как от внезапного приступа острой боли. Откинулся на спинку стула и в сердцах произнёс короткий монолог. Скорее, для самого себя.

– Твою мать! Опять этот долбаный Северо-Кавказский присылает бесквартирных... Ну, знают ведь, что есть распоряжение ЦК партии семейных офицеров, не имеющих жилья, не отправлять... Так нет же, шлют! Опять разбирайся, как будто нам тут больше делать нечего.

«Узнал бы он, что в моём случае ещё и нарушен приказ министра обороны, – наверное, повесился бы», – подумал я про себя...

– Ладно, лейтенант! Иди, жди. Буду звонить в твоё политуправление – пусть решают. Без квартиры в Афганистан не поедешь.

«Ух, ты! А где ж они мне там квартиру-то найдут? В дисбате? Там служебные бараки. В Новочеркасске или Ростове? Верится с трудом. А Ольга-то уже на чемоданах. Отец должен за ними приехать...» – возвращаясь в знакомый класс, размышлял я.

Зайдя в кабинет, я снова подошёл к карте Афганистана. Нашёл на ней город с непривычным моему слуху названием – Герат. Кажется, что совсем недалеко от границы с Советским Союзом. Вот рядышком наша Кушка, про которую в войсках ходила грустная поговорка: «Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют!» Оказывается, что можно и дальше.

– Ну что, пехота, получил предписание? – услышал я за спиной голос моего недавнего знакомого, уже почти друга, майора Виктора Чехова. Он влетел в класс, сильно стукнув дверью о косяк, но несколько не озабочась этим.

– Нет, не получил. Почти получил. В Герат. Но у меня нет квартиры. Оказывается, что без квартиры не посылают. Теперь решают там... – доложил я на одном дыхании всю информацию.

– Ну, брат, а как же тебя отправили? Всегда у вас в пехоте бардак! – радостно заключил он, – а дальше-то что? Ждать сказали? А пожрать? Пошли в буфет!

Майор строчил, как из автомата, – задавал мне вопросы и сам же на них отвечал. Но в одном он был без сомнения прав – хотелось поесть. Спросив у проходящего мимо офицера штаба, где можно перекусить, мы отправились в столовую.

– У меня тоже засада. Не знают, куда груз пристроить, – настроение у Виктора менялось мгновенно: он то негодовал, то радовался всему вокруг. – Юрка! Смотри! Пюре с котлетой! Ё-моё! Ешь с запасом. Там охренеешь от тушенки с кашей.

Мы набрали еды. Пока завтракали, скорострельность слов у моего нового друга не уменьшалась. Тихо становилось только тогда, когда Виктор жевал. А жевал он так же быстро, как и говорил. Я то слушал его вполуха, думая о чём-то своём, то с интересом проглатывал очередной рассказ о службе в Афганистане.

– А ты какое училище закончил? – спросил Чехов, когда, как мне показалось, запас его историй несколько истощился.

– Новосибирское.

– Так у нас все замполиты из вашего училища, – он даже привстал со стула. – Уважаю. Мужики. Есть, конечно, и уроды. Но мало.

– Почему уроды? – мне тогда казалось, что из нашего военного училища не могут выпускаться плохие офицеры. По крайней мере из тех, кого я знал, все были отличные парни. Я в это твёрдо верил, поэтому слова майора воспринял как личную обиду. Чехов почувствовал это по моему тону.

– Да ладно, не обижайся. Ну, правда. Есть, мягко говоря... зануды. И не только. Хуже встречаются. Настоящие гады. Блин, своих же... закладывают. Да и вообще, если честно, вашего брата замполита не очень-то любят в войсках. Те, кто на боевые ходит, с солдатами пайку делит, – те в почёте. А кто только бумажки пишет да стучит начальству – уроды. Как таких уважать?! Так что ты больше с бойцами будь. Они в обиду не дадут.

Я расстроился. В первый раз после окончания училища я услышал такую нелестную оценку нашему брату замполиту.

После сытного завтрака мы опять вернулись в обжитый уже учебный класс. За Чеховым зашёл какой-то полковник, что заставило меня подскочить и вытянуться струной. Они переговорили и удалились. Прошло часа три. Обо мне все забыли. А я, прижав голову к столу, задремал. Разбудил меня голос «направленца за речку»:

– Лейтенант, подъём! – увидев, что я открыл глаза, он продолжал: – Так, пока твои кавказские начальники решают, что с тобой делать, иди, устраивайся в гостиницу КЭЧ. Завтра приходи часикам к десяти. Из бюро пропусков позвонишь мне на номер 5-16. Понял?

– Так точно, товарищ подполковник!

Жаль было уходить, не попрощавшись с десантником Витей Чеховым. Но когда он появится – я не знал, поэтому мысленно сказал ему: «До свидания. Спасибо за доброе знакомство» – и отправился со своими чемоданами в военную гостиницу.

Гарнизонная гостиница больше напоминала госпиталь: бесконечный коридор с огромными палатами по обе стороны. Дежурная по этажу встретила меня усталым, равнодушным взглядом, записала в свой журнал и отправила в комнату на восемнадцать человек. Не все кровати были заняты. Я выбрал себе место у окна, сел на тумбочку и крепко задумался. «Вот, блин! Надо же было меня за три дня отправлять из дома, чтобы сидеть теперь в Ташкенте и ждать решения. А то, может, и обратно придётся лететь. Вот Ольга обалдеет». Я даже улыбнулся сам себе, представляя эту картину: «Здрасьте, вот и я!» Ну, никак не укладывалось у меня в голове, что мне могут дать квартиру.

За окном смеркалось. Хоть и по-летнему тепло на улице, но осень всё же. Стали подходить мои соседи – постояльцы этой «палаты». Поздоровавшись, они снимали военную форму, надевали гражданское платье и куда-то уходили. И вдруг я услышал в коридоре знакомый голос. Дверь в комнату открылась, и на пороге появился Витя Чехов. Вот кому я искренне обрадовался, как, впрочем, и он мне.

– Юрка, пехота! И ты здесь? А я уж думал, что ты в Герате на боевых, – он засмеялся, зашёл в комнату, плюхнулся рядом со мной на свободную кровать и ногой закинул под неё свой мешок. Потом я узнал, что это совсем не мешок, а парашютная сумка. Виктор устало откинулся к стене, снял форменный галстук:

– У тебя-то что?

– Сказали ждать решения. Завтра утром снова в штаб.

– Так то завтра. А сегодня идём в ресторан. Надо же, наконец, союзной водочки выпить.

– А у вас что? Груз-то определили?

– Прекрати ты мне выкать... Хрен там! Определили, что я его сам должен доставить в какой-то Чил... Чик... короче, куда-то. Завтра дадут охрану, машину. Ты что сидишь?! Пошли!

– Вить, да я как-то не рассчитывал, что в Ташкенте задержусь... Денег у меня на ресторан нет, – мне было неудобно, но денег у меня действительно было мало. А ещё ведь неизвестно, сколько сидеть в Ташкенте.

– Так! Прекрати! Деньги есть, – Чехов произнёс это настоящим командирским голосом, не терпящим возражений, – я поменял чеки на рубли, на ресторан хватит.

Какие такие чеки он поменял на рубли, я не знал, но понял, что в ресторан мы идём.

– Что будете заказывать, молодые-красивые? – официантка, узбечка явно не юного возраста, с животиком, не умещающимся за кокетливым фартучком, но с ярким молодёжным макияжем и широкой улыбкой, появилась перед нашим столиком.

– Хорошо поесть. И выпить, конечно! – Витя даже не посмотрел в меню.

– «Афганцы»? – улыбка не сходила с губ женщины. Меня она «не замечала», сразу признав авторитет десантника. Видимо, воинские звания она знала хорошо – мои лейтенантские погоны её не интересовали.

– Ещё вчера в Кабуле пыль топтали, – майор подмигнул мне весело и оглядел зал. За столиками сидели в основном военные. Истолковав взгляд моего товарища по-своему, официантка, наклонившись к его уху, спросила:

– А с девушками не желаете отдохнуть?

– Вот говорили мне, что в Ташкенте сейчас с этим делом просто, а я не верил, – Витя посмотрел на меня, – что, Юрок, желаем мы с девушками отдохнуть?

Увидев моё замешательство, Чехов, следуя своей привычке отвечать на собственные вопросы, продолжал:

– Ну, тебе, понятно, не надо. Ты из дома. Ещё женой пахнешь, а вот я... – было заметно, что он попал в такую ситуацию впервые, поэтому колебался в решении непривычного для себя вопроса.

– Не будем торопиться, красавица. Сначала выпьем по сто грамм фронтовых, а дальше видно будет.

После обращения «красавица» официантка, влюблено посмотрев на майора, прошелестела:

– Отдыхайте, мальчики. Сейчас всё принесу.

– Красавица, – я хмыкнул, когда она отошла от столика. – Вить, по-моему, она и сама не прочь с тобой... отдохнуть. Глазки так и строит.

– Ладно, не подкальвай. Тебе после Афгана все женщины будут казаться красавицами. А уж там и подавно – королевами! Слушай, но чтобы вот так просто: «Не хотите отдохнуть с девушками», – я не ожидал. Хотя все наши мужики рассказывают, что в Ташкенте теперь все живут за счёт афганцев: и таксисты, и официантки, и кассирши в аэропорту. Ну вот... и девушки для вечерка. Вот что наши чеки делают.

– А что такое «чеки»? – второй раз за вечер я услышал это слово, которое для меня ассоциировалось только с квадратной бумажкой в магазине из кассового аппарата.

Виктор достал что-то из кармана и протянул мне:

– Вот, смотри! Это твои деньги на войне. Получку в Афгане будешь получать чеками Внешпосылторга. Знаешь такие магазины – «Берёзка»? Хотя откуда ты знаешь... В них всё есть. Но за валюту. Или за эти вот наши чеки.

Банкнота, которую дал мне посмотреть Виктор, не произвела на меня никакого впечатления: не было на ней привычного Кремля или силуэта Владимира Ильича Ленина. Действительно, как чек из магазина. Друг мой продолжал:

– Кроме того, эти чеки в Союзе можно обменять на рубли. И хоть на них написано, что один чек равен одному рублю, – это ерунда. Меняют их один к трём. Вот ты сейчас держишь

в руках десять чеков, а это уже тридцать рублей. Можно три дня в ресторане по полной программе гулять.

– И сколько я там буду получать?

– Ну, сколько? Как и здесь получал. Рублей двести?

Я кивнул головой.

– Значит, и в Афгане будешь получать двести чеков.

Для меня всё это ещё только будет. Где-то впереди. А пока Ташкент. Ресторан «Заравшан». И официантка с полным подносом вкусной еды. Я вернул деньги Виктору. Он разлил водку, поднял рюмку.

– За знакомство, пехота!

Мы выпили. Витёк даже зажмурился от удовольствия. Несколько минут молча закусывали. По-моему, майор Чехов молчал только тогда, когда ел. Вот настоящий замполит!

– Вить, а ты кто по должности?

– В оперативном отделе. А что? – он снова наполнил наши рюмки.

– Нет, ничего, – я улыбнулся, – ты, как политрук, всё время в... беседе.

Витька засмеялся, поднял бокал.

– Нет, Юрок, не такой уж я разговорчивый. Просто настроение совсем другое. Мирное, что ли. Восемь месяцев в Афгане. Одни и те же лица каждый день, одни и те же разговоры... А тут... как на другой планете. Ладно, давай выпьем! За женщин! За матерей, жён! Пусть ждут нас и... дождутся.

Выпив, Виктор снова оглядел весь зал, поворачивая голову почти на сто восемьдесят градусов.

– Кстати, о женщинах. Их-то пока и нет совсем. Только наш брат офицер гуляет. Кто в отпуск, кто из отпуска. А кто вот как ты – «чижик», в первый раз за речку.

– Почему «чижик»?

– А привыкай, брат. Так молодых там зовут. Первые три-четыре месяца. Или до первого Нового года.

Я даже не успел заметить, как Чехов снова налил нам водки. Вдруг лицо его стало серьёзным, каким-то печально-отрешенным. Он встал.

– Привыкай и к этому, Юрка. Третий тост. За тех, кого уже с нами нет. Молча. Всегда!

Я тоже встал. Офицеры за соседним столиком, увидев нас, затихли. Многие, если не все, в этом ресторане знали об этом законе «афганцев» – помянуть погибших товарищей третьим тостом. Поэтому никто не удивился нашему ритуалу. В тот момент мне казалось, что я вступаю в некий орден посвященных, в какую-то особую семью. И хотя я ещё ни дня не провёл за речкой, меня уже воспринимали как своего. И от этого становилось спокойнее в душе.

Виктор разбудил меня толчком в плечо часиков в шесть утра. Вечером, после ресторана, он куда-то исчез вместе с капитаном из Баграма в обществе двух довольно симпатичных девиц. Его довольная рожа в шесть утра говорила о том, что исчезновение было приятным.

– Юрка! – он снова ткнул меня: – Юрка, да проснись же! Мне же ехать пора. Уже машина пришла.

Я сел на кровати. Сон быстро улетучился.

– Что так рано-то?

– Да пока я куролесил, – Витька довольно хмыкнул, – позвонили дежурной в гостиницу из штаба и сообщили. Хорошо, что ещё сейчас пришёл, а то она – «останься, останься...».

– Ну и как ночка?

Витька показал большой палец. Вытащил из-под кровати свою парашютную сумку.

– Ладно, пехота, будь здоров! Рад знакомству. Будешь в Кабуле – приходи в гости. В десантную дивизию. Найдешь артполк, спросишь Чехова. Меня там все знают.

– Спасибо! Если получится – обязательно зайду.

Мы крепко пожали друг другу руки, и майор ушёл. Больше я никогда его не встречал. Но для меня он стал первым настоящим афганцем, который без раздумья принял меня в друзья, поделился своей звонкой добротой, дал много полезных советов.

Глава четвёртая

Три дня я приходил по утрам в штаб ТуркВО, сидел там целый день и слышал одно и то же:

– Лейтенант! Вопрос решается. Жди.

Деньги у меня закончились. К вечеру третьего дня для того, чтобы хоть что-то перекусить, я продал за пятёрку проводнице автобуса единственное, что можно было продать – Ольгин подарок – импортные солнцезащитные очки. И хоть были они польскими, я без труда убедил кондукторшу, что они настоящие фирменные – американские.

Двадцать третьего октября я в очередной раз прибыл в штаб – ненавистный мне ташкентский пентагон. Хотелось только одного – какого-нибудь определенного решения.

– Заходи, лейтенант! – мой знакомый, почти родной, подполковник, увидев меня в коридоре, пригласил в свой кабинет.

– Ну вот. Поздравляю! Можешь лететь в Кабул. Квартиру тебе дали.

Я не понял, с чем он меня поздравил – то ли с убытием в Афганистан, то ли с получением жилплощади.

Взяв, наконец, в руки своё предписание, я поинтересовался:

– Товарищ подполковник, не подскажете, где мне квартиру дали?

– А я-то откуда знаю? Вот пришла телеграмма: «Вопрос с выделением квартиры лейтенанту Фадееву решён положительно». Так что теперь ты, Фадеев, счастливый человек. В отличие от некоторых, – он тяжело вздохнул и продолжил: – Теперь дуй в Тузель, на пересылку. Зарегистрируйся на самолёт. И, если повезёт, завтра в Кабул!

– Так мне в Герат.

– Все политработники сначала прибывают в штаб 40-й армии, в Кабул. Беседа с членом Военного Совета. Потом полетишь в свой Герат. Ну, давай, лейтенант, удачи! Возвращайся с орденами!

«Вернуться бы, – подумал я. – Какие там ордена? Пулю бы не схлопотать».

Забрав свои пожитки из гостиницы, узнав у дежурной, как добраться до военного аэродрома Тузель, я пошёл на автобусную остановку. Через час, с матами-перематами, проклиная чемоданы и вспоминая недобрым словом майора Цымбаря, я добрался до пересылки.

На КПП сонный солдат лениво спросил у меня:

– В Афганистан?

Я кивнул головой.

– Зайдите в общежитие, сдайте вещи в камеру хранения, потом у диспетчера зарегистрируйтесь на борт и получите койку.

То, что все называли «пересылкой», оказалось трёхэтажной казармой. Но жили в ней не солдаты, а офицеры и прапорщики, ожидающие вылета в Афганистан. Всюду грязь. Десятки, нет – сотни пустых бутылок! Окурки. Остатки еды. Казалось, что под хмельком были все: и убывающие, и обеспечивающие убытие. Дежурный диспетчер, помятый капитан с лётными эмблемами, записал меня на утренний самолёт, попросил сигарету и спросил:

– Откуда, лейтенант?

– Из Ростова-на-Дону.

– Хороший город. Бывал когда-то. Ну, иди. Пей напоследок.

Действительно, общим лозунгом жизни тузельской пересылки был девиз: «Пей, братцы! Едем на войну».

Когда я вошёл в комнату, где мне определили кровать, первым делом увидел пять мужиков, поднимающих стаканы.

– О! Заходи, братан! – ко мне повернулся первый, опустошивший свою посуду.

Все были без формы. В майках или футболках. Один в тельняшке. Судя по возрасту – не лейтенанты. На двух кроватях прямо в одежде крепко спали, одинаково звучно храпя, видимо, уже «созревшие».

– Здорово, пехота! Садись к столу, – ко мне обратился тот, на ком была тельняшка. «Наверное, опять десантник», – подумал я, вспомнив, как обращался ко мне Витя Чехов. Сняв китель и рубашку, я подсел к столу, на котором кроме двух бутылок водки был только графин с водой.

– Юра, – представился я.

Саня. Игорь. Ещё Игорь. Кажется, Алексей. Они называли свои имена хором, поэтому я сразу никого не запомнил.

– Куда путь держишь? – спросил Игорь.

– В Афган, – вопрос показался мне глупым.

– Да это и так понятно. Хотя, тут есть и те, кто в Африку летит... В Афгане-то куда?

– А-а. В Герат. В мотострелковый полк.

Игорь кивнул. Остальные опять хором:

– А я в Кундуз.

– В Кандагар.

– Кабул.

Мне налили полстакана водки. Я поводил глазами по столу, надеясь всё же обнаружить хоть какую-то закуску. Кроме воды, ничего не было. «Да-а, доза ударная. Ещё и на голодный желудок. Вот меня сейчас бахнет!» – но отказываться было нельзя просто по определению: это сразу вычеркнуло бы меня из списка «своих» – «братанов», как тут все называли друг друга.

Выпили. Как я и ожидал, в голове мгновенно заиграла весёлая музыка, приглашающая на танец. Мир вокруг похорошел, настроение порозовело. Я постарался сразу принять участие в разговоре, но понял, что надо больше слушать. Язык во рту потяжелел. Оказывается, за столом по-дружески выпивали два капитана и три прапорщика. Тот, который сидел в тельняшке, действительно был десантником, из какого-то «сорок пятого» Баграмского полка. Служил там старшиной роты. Он единственный из нас, кто летел в Афганистан не в первый раз. Игорь возвращался из отпуска. В основном все мы слушали его рассказы о службе и жизни «за речкой». Игорь говорил об Афгане так, что казалось, будто он тосковал по нему весь отпуск.

– Игорь, ты что, соскучился, что ли, по своему Баграму? – я искренне не мог понять его радости по поводу возвращения на войну.

– Юрка, ну причём здесь Баграм?! Я по пацанам своим соскучился. По роте своей. Знаешь, какие у нас мужики?! С ними, блин, как в сказке говорится, – и в огонь, и в воду!

Мы выпили уже не раз и не два. Выкурили сотню сигарет. Закусили двумя графинами воды. Короче, подружились. Игорёха твердил нам:

– Мужики, вы можете, конечно, и не верить. Но вспомните меня, когда сами будете ехать из отпуска. Дома – оно, конечно, хорошо. И жена, и дочка, и... Ну, дураку понятно, что хорошо. НО! В Афган тянет. Тянет! Потому что там совсем другая жизнь. Дру-га-я! Настоящая.

– А здесь что, не настоящая? – капитан Лёха летел в Кундуз командиром танковой роты.

– И здесь настоящая. Но другая, – Игорь прикурил очередную сигарету. – Алексей! Вот ты был командиром роты в... Где, кстати?

– В Чебаркуле.

– Опс! Это где такой?

– Под Челябинском.

– Ага! Ну, вот. И чем ты там с ротой занимался? По мишенькам фанерным стрелял?! Ну, водили свои танки... изредка. А в основном заборы красили да плац мели. Что, не так?

Капитан кивнул и икнул. Старшина плеснул водки в наши стаканы:

– А вечером бегом домой. Жена ворчит. У детей в школе проблемы, тёща пилит... А утром ни свет ни заря опять в роту... А в роте – ЧП, чепушка! И комбат орёт, а командир полка дерёт... Так?

– Всякое бывало, – ответил капитан, и мы все согласно закивали головами. Я на минуту вспомнил свою службу в дисбате: почти каждый день в роту на подъём, почти каждый день домой после отбоя. Через день на ремень – в наряд или караул. Ольга дома с малышом всегда одна. Выходных нет...

Старшина продолжал:

– В Афгане тоже всякого хватает. Но есть одно, чего нет в Союзе. Настоящее дело. Война. И всё этому подчинено. И люди сразу совсем другие. Вот за них и выпьем!

Игорь с удовольствием опрокинул в себя очередные полстакана. Как ни странно, но после шестого захода на цель, то бишь после очередных ста граммов, высота опьянения перестала у меня набираться и остановилась на границе контроля над своим телом и эмоциями.

– Вот именно, война. Можно и... того, получить в лоб... – слово «война» и близость смерти всё равно перевешивали для меня все доводы бывшего десантника по поводу «необходимости и важности дела, хороших людей...» и так далее. Алкоголь существенно приглушил, но не убил чувство тревоги перед грядущим.

– Можно, – спокойно согласился Игорь. – Это уж только Богу ведомо, где огребёшь. Вот случай был. Прапор наш один на все боевые в горы ходил. Две Красные Звезды получил и ни одного ранения. А когда заменщик к нему приехал – он от радости три дня водку жрал, а в самолёте по дороге домой – плохо с сердцем. В Ташкенте уже труп выгрузили. Вот это, блин, невезуха.

– Да уж. Обидно, – ещё один прапорщик за нашим столом, Саня кажется, даже поёжился от какого-то своего неприятного ощущения. Он летел в Кандагар. На какую должность – не сказал.

– Какой там обидно?! Полный пиндец! Родные-то уже знали, что живой. А тут на тебе – «геройски погиб от перепоя»...

Все закурили, поражаясь трагической нелепости ситуации.

– А вот ещё случай, – старшина завёлся, – летёха, взводный молодой, на первую войну пошёл. Ну, бздел маленько, но виду не показывал, всё вроде нормально. Захотел по большой нужде. Ему бойцы говорят: «Товарищ лейтенант, давайте, не стесняйтесь, прям туточки...» А он, бестолковый, за камешек решил укрыться. Неудобно, видите ли, при всех...

За столом все напряглись, предчувствуя печальную развязку этой истории. И не ошиблись.

– Только сошёл с тропы – бамс! Взрыв. Хорошо, что «итальянка», а не «прыгалка». Но ноги всё равно нет. Отвоевался.

– Какая итальянка?

– Мина итальянская, противопехотная. Увидишь ещё. Не дай бог, конечно, напороться. Там такого говна навалом.

Истории десантника Игоря отрезвляли. Казалось, мурашки поселились на спине. Все события ощущались реально, не по-киношному. Заставляли сопереживать и принимать всё близко к сердцу. Наверное, оттого, что происходили они с такими же, как и мы, парнями. Вот так же, как и мы, когда-то сидевшими здесь и, быть может, даже за этим столом. Не желая того, мы примеривали на себя их судьбы, и становилось от этого муторно и тревожно. Вот поэтому и пил народ без меры на тузельской пересылке. Пил и прощался со старой жизнью, не представляя, как сложится новая.

Рано утром, ещё до восхода солнца, всех постояльцев ночлежного дома разбудил крик дежурного: «Подъём! Регистрация на самолёты через час!» Вставали тяжело. Впрочем, неко-

торые ещё и не ложились. Все были удивительно похожи друг на друга: слегка помятые, слегка небритые и чуть-чуть пьяные. Кто-то заходил в буфет, чтобы выпить чаю с черствым коржиком, а кто-то предпочитал сразу подлечиться беленькой. Но самым популярным напитком в это утро был огуречный рассол, который предприимчивая буфетчица не выливала из банок. Она продавала его страждущим по десять копеек за стакан. От водки, которую мне предложил заботливый старшина Игорь, я сразу отказался. А вот рассол пришёлся очень кстати. В голове слегка утих гул.

Подхватив свои жёлтые баулы, я дотащился до огромного железного строения, напоминающего какой-то склад. К моему удивлению, народу там было гораздо больше, чем ночевало на пересылке. Откуда-то появились женщины. Многие офицеры отличались от нас, пересыльных, опрятным и, главное, трезвым видом.

– Это те, кто из отпусков и командировок возвращаются, – пояснил мне Игорь, – знают, какой бардак на пересылке, поэтому ночуют в гостиницах, а утром на такси сюда.

– А ты тогда почему здесь ночевал? – мне было стыдно за свой внешний вид в сравнении с вновь прибывшим контингентом, особенно перед женщинами.

– Не, мне здесь душевней. Да и что деньги тратить на гостиницу... – Игорь, увидев кого-то знакомого, помахал рукой и ушёл обниматься.

Стали зачитывать списки тех, кто сегодня улетал. Я оказался в первом – борт на Кабул. Оказывается, мне очень повезло: некоторые приходили сюда уже не в первый раз, но в списки не попадали. Как мне потом объяснили, это зависело от даты пересечения границы, указанной в паспорте. У меня, а я даже не знал этого, был последний день пребывания в Советском Союзе.

Тех, кто улетал, повели на таможенный досмотр. Мне подумалось, что это будет быстрая и достаточно условная процедура – всё же люди улетают не на курорт, а на войну. Я ошибался. Узбекские таможенники рьяно исполняли свои обязанности, перетряхивая наши чемоданы, выворачивая карманы. Как и многие новички, я не знал, что есть ограничения на провоз спиртного. Разрешалось только две бутылки водки. А ведь некоторые уложили в закрома чемоданов по три, а то и по четыре бутылочки. Лишние литры изымались. Но никто не оставлял свои бутылки на таможне. Они тут же шли по кругу среди желающих. Настроение быстро улучшалось. Становилось шумно и весело. Те, кого ошмонали, проходили в главное помещение этого огромного железного дома. Но даже этого зала было мало для всех, кто улетал по разным направлениям в Афганистан. Женщины, офицеры и прапорщики, солдаты. Все с вещами. Становилось душно и тесно. На улицу никого не выпускали. Туалет один на всех. Пока всех проверяла таможня, проснувшееся солнце стало беспощадно нагревать железную крышу этого «склада». В «отстойнике», где нас держали, становилось невыносимо жарко. Как же надо было не любить своих людей, чтобы вот так, по-скотски, отправлять их на войну?! Но народ не роптал. Пели песни, рассказывали анекдоты, смеялись громче обычного. И трудно было себе представить, что не все эти здоровые, сильные, молодые люди вернутся домой живыми.

Глава пятая

В таком большом грузовом самолёте я летел в первый раз. Не надо было сдавать вещи в грузовой отсек, не надо было искать своё место по билету. Чемоданы и сумки валялись общей кучей тут же, у ног. В центральном проходе крепили какие-то ящики и тюки. Все шумно рассаживались на откидные скамейки вдоль бортов. С улицы через открытый зад этой воздушной коровы приятно щекотало тело осенней прохладцей. Затем что-то там, сзади, заскулило, завизжало. Рампа закрылась. Машина мягко покатила по рулёмке. Взревели моторы. «Вот и полетели!» – подумал я. На душе было пусто и неудобно. Ныло под ложечкой. И не от страха, что летел на войну, где могут убить. От того, что впереди была полная неизвестность. Что ждёт меня на этой войне?

Внизу всё удивительно походило на географическую карту, которую я почти неделю изучал в штабе округа. Те же коричневые и желтые тона. Через полтора часа полёта вышел кто-то из экипажа и прокричал: «Афган под нами!» Все кинулись к редким в этом самолёте окошкам. Ничего особенного. Горы, горы... Пустыня.

Вскоре наш самолёт пошёл на посадку. Ох уж эти афганские посадки. Это потом, пробыв год-полтора в Афгане, я немного привык к этому адскому манёвру. Но в первый раз мысль у меня была одна: «Всё! Хана!» Кто летал на самолёте в мирном небе, знает, что, перед тем как приземлиться, лайнер постепенно, идя по квадрату, теряет высоту. Афганское небо, чужое и опасное, не признавало никаких навигационных законов, кроме одного: надо выжить. Поэтому, когда самолёт, завалившись на крыло, стал просто падать, многие сидящие внутри непроизвольно вскрикнули. Я впервые в жизни почувствовал, что такое невесомость, ибо моё тело никак не успевало за стремительно летящей к земле скамейкой. Сумки и чемоданы, которые были не закреплены, стали перемещаться по салону в хаотичном направлении. Всё, что было съедено и выпито ещё на земле в Союзе и спокойно лежало в животе весь полёт, теперь переместилось к горлу и настойчиво просилось наружу. Требовались сверхусилия, чтобы уговорить сию массу остаться в организме. Некоторые так и не смогли удержать в себе утренний завтрак. Всё это, вперемешку с нашими вещами, теперь каталось по полу. Было ощущение, что наш лётчик с детства мечтал пилотировать не тяжёлый Ан-12, а скоростной боевой истребитель – такие виражи он закладывал. Но через несколько минут всё закончилось, и мы покатались по кабульской бетонке. Самолёт долго мчался мимо аэродромных сооружений, ангаров, самолётов и вертолётов. Было удивительно видеть рядом с боевым Ми-24 огромный «Боинг», рядом с зелёным невзрачным транспортником изящную «Каравеллу». Качнувшись в последний раз, мы остановились. По мере увеличения белой щели в хвосте самолёта внутрь проникал горячий тугой воздух – казалось, что дышал огнём Змей Горыныч. Нас встретил Кабул.

Не успела рампа коснуться земли, как в самолёт заскочили два солдата с автоматами наперевес. В добела выгоревшей на солнце форме, в непривычных для меня панاماх, они стали собирать паспорта вновь прибывших. Те, кто прилетел не в первый раз, просто проходили мимо, улыбаясь и махая руками кому-то впереди.

Спрыгнув на землю, я огляделся и непроизвольно напрягся. Аэродром окружали горы, и казалось, что вот-вот откуда-то из них прилетит моя пуля. Но вокруг спокойно занимались своей работой люди. Это сразу успокаивало. К самолёту тут же подогнали КамАЗ и стали забрасывать в него привезённый груз. Какой-то офицер хрипло крикнул: «Кто прибыл по замене, на пересылку!» – и махнул рукой в сторону палаток рядом с бетонным полем аэродрома. «Опять, – подумал я, вспомнив ташкентскую, – неужто такой же бардак?»

Более всего меня поразило тогда наличие оружия практически у всех, кто встречал нас или работал вокруг. Его носили так, как будто это была палка, фонарик, газета или зонтик –

да всё, что угодно, – повседневное и привычное. Пистолеты у многих болтались на ремне в каких-то обрезанных со всех сторон кобурах, принимая пижонский вид из западного вестерна. Автоматы были перемотаны цветной изолентой. Сначала я не понял, для чего, а потом разглядел, что лента соединяла два магазина патронов. Для меня, видевшего оружие лишь в оружейных комнатах да на полигонах – холёное и жирное от масла, было непривычно и дико видеть рабочее, уставшее, пыльное и обыденное орудие смерти.

«Батюшки! Если здесь так в октябре, то что же творится летом?» – задавал я себе вопрос, задыхаясь в объятиях афганской жары. На фоне выгоревшей, желтой или почти белой формы местных вновь прибывшие выглядели странно, явно не вписываясь в этот желтый колорит. Им же наша союзная повседневная офицерская форма казалась парадной и чужой.

К нам время от времени подходили капитаны и лейтенанты, подполковники и майоры:

– Эй, «чижики», в 180-й идёт кто-нибудь? – манера их разговора была совершенно особой, покровительственно-пренебрежительной. Но я уже знал об этом прозвище молодых и поэтому нисколько не обижался.

– В Джелалабад кто?.. Кандагар?.. Герат?..

Услышав «Герат», я скромно промяукал:

– Я в Герат.

Ко мне подошёл старший лейтенант с усами «под Мулявина».

– В 101-й, что ли? – он и пытался вроде смотреть на меня пренебрежительно, как положено старику на молодого, да не получалось: я намного возвышался над ним. Ростом старлей не вышел.

– Да.

– А вместо кого?

– Кажется, Котельникова... – я полез за своим предписанием, чтобы уточнить фамилию, но вспомнил, что сдал его вместе с паспортом.

– Ёпс! Вместо Коляна!

Старлей заулыбался:

– Замполит, значит?! В восьмую роту пойдешь. Ну, ладно, давай! До встречи в полку. Я сейчас улетаю. Там и познакомимся поближе. А Кольке скажу – пусть брагу ставит, – хлопнув меня по плечу, усатый помчался по своим делам.

Солдат проводил новеньких в казарму, которую назвал «модулем» – одноэтажный дощатый барак. Заняв койку, поставив около неё свои злосчастные чемоданы, я вышел на крыльцо. Попросил спички у рядом стоящего лейтенанта. Закурили.

– Ты куда дальше? – не хотелось молчать. У лейтенанта, видимо, было такое же настроение, как у меня. Он с радостью поддержал разговор:

– Я в Кундуз. А ты?

– В Герат.

– Я слышал, до Герата нет прямых самолётов. Только через Шинданд, – увидев на моём лице удивление, лейтенант добавил: – мужики на аэродроме говорили. Я случайно узнал.

– Ну, блин, опять не повезло! Какой такой Шинданд? Это далеко?

– Да я-то откуда знаю? Мы ж с тобой на одном борту прилетели. Меня Сергей зовут, – он протянул мне руку.

– Юра.

– Смотри! По-моему, все на обед пошли.

Серёга указал на офицеров, дружно потянувшихся к зданию, в котором сразу угадывалась столовая. Его догадку подтвердил наш знакомый солдат:

– На обед проходите, – сказал он нам, выйдя из модуля.

Первый обед в Кабуле сразу напомнил мне курсантские годы – невкусный постный суп, всё та же пшёнка большим плотным комком, несладкий чай. Одно поразило – полные

тарелки мясной тушёнки посреди столов. В Союзе она была большим дефицитом. В дисбате я несколько раз получал сухпай, куда входила и тушёнка. Дома, мы с Ольгой разогревали её на сковороде, добавляли лучок и с неописуемым удовольствием лакомились этим простым блюдом. Если бы я знал, что уже совсем скоро тушёнка будет вызывать у меня скрытый желудочный протест, не ел бы её в первые дни так много.

После обеда Серёга ушёл к коменданту аэропорта узнавать о самолётах на Кундуз, а я сел в курилке на скамейку и стал разглядывать окрестности. В голове ещё не укладывалось, что я в Афганистане. Вокруг было все наше, советское, и это создавало ощущение защищённости и явно не заграничного присутствия. Где-то далеко взлётная полоса аэродрома упиралась в горы. Казалось, что вот там и была чужбина. За аэродромом стройными рядами расположились модули и армейские палатки. Было видно, что это боевая часть. Туда-сюда сновали БМП и БТР, пылили «Уралы». Взлетела пара вертолетов и стала кружить над нами, пуская яркие ракеты.

– Борт встречают, – сидящий рядом со мной прапорщик, судя по форме – «местный», смотрел в сторону большой горы. Видимо, как раз оттуда и должен был показаться самолёт.

– А что это за салют вертолёты пускают?

Прапорщик взглянул на меня и, наверное увидев во мне новичка, воспринял мой глупый вопрос без иронии. Доброжелательно ответил:

– Это они тепловые ракеты отстреливают. Шас семьдесят шестой будет заходить. Почтовик. Высота при посадке маленькая. Духи могут «Стингером» засадить. Вот вертушки и пускают отстрелы, чтоб, ежели что, ракета ушла в сторону.

Я постеснялся спросить, почему семьдесят шестой, что такое «почтовик», куда засадить и чем? Стал смотреть по направлению взгляда прапорщика. Сначала показалась точка, а вскоре, словно свалившись с неба, появился огромный транспортный самолёт. Ил-76. Он ревел турбинами так, что дрожали все окна близлежащего модуля.

– Ну, вот и ладушки! – прапорщик прикурил сигарету. – Вот и почта прибыла! Запомни, лейтенант, лучше «отпускника» и «почтовика» самолётов не бывает. Куда сам-то?

– В Герат.

– Ага, в Герат... Это, значит, полетишь до Шинданда, а там на перекладных.

– Далекое?

– Что далеко? Шинданд? Не очень. Часа два лёту. Ну, и до Герата твоего часа два на б'этэре или машине. Я в командировку летал в 5-ю дивизию.

– Я в 101-й полк.

– Я ж и говорю – в 5-ю дивизию. Твой 101-й как раз в этой дивизии. А штаб её – в Шинданде.

«Надо же. За каких-то десять минут узнал так много нового», – подумал я.

– А вы давно здесь?

– Где здесь? На пересылке? – прапорщик, видимо, любил точность и уже не в первый раз корректировал мои вопросы.

– Нет. В Афгане?

– Почти год. Завтра утром полечу к себе домой – в Джелалабад. Целый день сегодня на армейских складах проторчал, а форму новую достал. Ты форму-то новую видел?

– Какую новую?

Прапорщик привстал со скамейки и стал крутить головой направо-налево:

– Да, ёлки-палки! Должен же кто-нибудь уже в ней ходить. Это ж Кабул, блин, столица! – но так и не нашёл, на кого мне можно было бы указать. Солдаты вокруг ходили в обыкновенном х/б. Большинство офицеров тоже. Хотя некоторые были одеты в полевое п/ш.

– Ничего так формочка, – продолжал мой собеседник, – карманов много. Самое главное – не под сапоги. Можно ботинки или кроссовки.

– Как кроссовки? – такая обувь никак не представлялась мне форменной.

– Вот приедешь к себе в Герат – посмотришь, в чём народ ходит. Особенно на боевые. Не в сапогах же или ботах... Ладно, лейтенант, удачи тебе! Пойду. Может, кого знакомых увижу.

Прапорщик ушёл. В курилку забегали солдаты, пуская дым и смеясь чему-то своему. Подолгу сидели офицеры и прапорщики вроде меня – вновь прибывшие в Афганистан и изнывающие от безделья. Пару раз приходили женщины, тихонько разговаривая друг с другом. Наконец-то вернулся с аэродрома Серёга – мой новый знакомый.

– Ну, блин! – он снял фуражку, вытер пот со лба. – Дурдом!

– Что вдруг? – я с интересом уставился на него.

– Спрашиваю: «Когда самолёт на Кундуз?» В ответ только: «Хрен его знает. Лови!»

– Как лови?

– Вот и я спрашиваю у майора какого-то там – как лови? А он мне: «Ну, побегай у самолётов, у лётчиков поспрашивай, кто на Кундуз. И лети». Прямо как такси, мать твою! Или, говорят, завтра будет почтовик. На нём можно.

Я удивился не меньше Серёги:

– Это что, с чемоданами по полю бегать и самолёт искать?

Я представил себя со своими баулами бегущим от самолёта к самолёту и ужаснулся такой перспективе.

– Юр, что узнал – то сказал. Не знаю, с вещами, без вещей, а лететь надо. Но капитан один сказал, что если дежурный будет нормальный, то он позвонит сюда бойцу дневальному и скажет, какой борт куда летит.

– Ну, что ж, будем надеяться, что нам попадётся нормальный.

Мы снова потянулись за сигаретами. Я заметил обручальное кольцо на пальце у моего товарища:

– Давно женился-то?

Лицо Сергея тотчас изменилось – куда-то исчезла озабоченность и напряженность, появилась улыбка, заиграли огоньками глаза:

– Да почти год уже. Сразу после выпуска из училища.

– А ты какое заканчивал?

– Коломенское. Артиллеристы мы. А ты?

– Я – политическое. Новосибирск. А женился после третьего курса. Уже сын есть. А ты успел уже родить кого-нибудь?

Серёга весело засмеялся:

– Чуть-чуть не успел. Наташка моя вот-вот должна. Тоже хочу пацана. Твоему сколько?

– Да бегаёт уже. Полтора года. Уж и выпивать стал.

Я рассказал Серому историю об употреблении спиртных напитков моим Игорёшкой на проводах. Мы посмеялись. Говорить о доме, о родных и близких было намного приятнее, но разговор сам собой вернулся к теме Афганистана:

– Юрка, а ты в Афган сам, наверно, напросился? Вы ж, замполиты, все идейные такие.

В словах моего приятеля звучала явная ирония, но я не обиделся:

– Какое там «сам»? Я вообще в ближайшем будущем не должен был сюда ехать. Три дня дали на сборы и вперёд.

Сергей удивлённо уставился на меня:

– Почему не должен? А где ты служил?

На секунду я замялся:

– В дисбате.

Серёга только и выдохнул:

– Ё...! В тюрьме, что ли?

– Ну, почему в тюрьме? Обыкновенная воинская часть Советской Армии. Я был замполитом роты охраны. А так, конечно, колония колонией... Зона.

Мой товарищ смотрел на меня как на инопланетянина:

– Ну, блин, ничего не понимаю. Ты ж новосибирское училище заканчивал?

Я кивнул головой. Серёга продолжал:

– Это ж не ВВ. Как ты попал в дисбат-то?

– Причём тут внутренние войска? Ещё раз повторяю – дисциплинарный батальон, обыкновенная часть. Кстати, осужденным солдатам после освобождения даже не ставят никаких дополнительных штампов, что типа сидел. Просто: «Отслужил в такой-то в/ч».

Сергей в который раз достал сигареты, с интересом слушал меня и всем своим видом явно давал мне понять: продолжай.

– А вот «загрел» я туда действительно как идейный комиссар, то бишь «куда Родина пошлёт – тому и рады». Приехал по распределению в Северо-Кавказский округ, в Ростов-на-Дону. Прибыли мы в отдел кадров. Нас – семнадцать лейтенантов. Как новенькие пяточки горим. В прямом смысле этого слова – на улице плюс тридцать, а мы, сам знаешь, в «парадке». Короче, красные и потные. Первый наш в кабинет зашёл. Выходит – аж светится, получил назначение в Новороссийск. ЁПРСТ! Море. Я себе прикидываю – раз первому море, то второму – хрен. Не иду. Санька Ботов ушёл. Выходит – улыбается: Волгоград! Тоже неплохо. Большой город. Опять думаю: третьему точно достанется дыра. Стою в сторонке. Игорь Власов выходит. Тут я чуть не упал. Краснодар! Всё, думаю, пора. А-то все хорошие места уйдут.

Я сделал паузу. Прикурил сигарету. Серёга, понимая, что всё самое интересное ещё впереди, нетерпеливо попросил:

– Ну, дальше...

– Захожу. Сидит полковник. Меня увидел – даже авторучка из руки выпала. У меня рост – сам видишь какой. На груди значок кандидата в мастера спорта. Короче, влетел эдакий орёл молодой. Полковник на меня влюблено посмотрел и так заговорщицки мне говорит: «Лейтенант! Значит, спорт любишь?» Я ему: так точно! Он мне: «Учился хорошо? Член партии?» Я, блин, чувствую, что неспроста спрашивает, ещё сильнее грудь выпячиваю: «Так точно, товарищ полковник, член КПСС, почти отличник учёбы!»

Сергей и два сидящих рядом старших лейтенанта, начали улыбаться. А я, войдя во вкус рассказа и отлично помня процедуру моего назначения в дисбат, продолжал:

– Полковник ручки от радости такой потёр и говорит мне: «Лейтенант, иди в триста сорок шестой кабинет, там майор... – не помню уже фамилию. – Скажи, чтобы мне перезвонил». Выхожу я из кабинета, весь гордый такой и загадочный. Мои мужики ко мне – куда назначили? Я, уже понимая, что всё не так просто, и сам себе в уме уже сделав вывод, что мне досталась какая-то секретная миссия, отвечаю: «В триста сорок шестой кабинет!» Пацаны остолбенели. А я пошёл искать этот кабинет. Нашёл. Стучусь. Захожу, как положено. Сидит толстый майор. Жуёт чего-то. Я ему: так и так, звоните полковнику. Мол, секретный агент прибыл.

В курилке все начали смеяться, слушая меня, но ещё не зная, что это далеко не конец моего повествования.

– Майор позвонил. Я слышу только: «Есть, товарищ полковник! Понял, товарищ полковник!» Трубочку положил и так жалостливо на меня посмотрел. Говорит: «Ты сам, что ли, лейтенант, согласился?» Я чего-то вдруг забеспокоился, но виду не подаю, наоборот, про себя думаю: «Ну, блин, Фадеев, служба будет крутая, с риском для жизни», а майору отвечаю: «Товарищ майор, а вы не подскажете, куда меня назначают?» Майор, вижу, офигел от моего вопроса и говорит: «Нет, лейтенант, не скажу. Пусть тебе всё новый начальник расскажет. Вот тебе предписание, и ступай с Богом!» Выхожу, а спиной чувствую, что и перекрестил он меня. Читаю бумажку: «Направляетесь в распоряжение начальника политотдела спецчастей гарнизона в город Ростов-на-Дону». Я как прочитал слово «спецчастей», так и подрос ещё на десять сантиметров. Сразу себе представил – спецназ, разведка, КГБ! Звёздный час настал!

Серёга задыхался от смеха. Офицеры хохотали до слёз. Мимо нашей курилки проходили разные военные, оглядывались, не понимая причины такого безудержного веселья, а у меня наступала кульминация воспоминаний.

– Сразу побежал на почту. Отправил телеграмму жене: «Будем служить в Ростове-на-Дону». Пусть знает наших! Каков муж ей достался, а?! Не хрен с бугра! На следующий день, опять изнывая от жары, иду по Буденовскому проспекту. Сапоги горят. Рожа загадочная. Еле нашёл старый особнячок, на котором табличка «Политический отдел спецчастей гарнизона» Захожу. Тишина. Ну, думаю, все на задании, блин. Сидит женщина, печатает что-то на машинке. «Кто ты, добрый молодец? – спрашивает меня. Я ей бумагу свою. Она прочитала, руками всплеснула и запричитала: «Нашли-таки!? Сам согласился? Герой!» После слова «герой» я смущенно потупил взгляд, но спросил: не подскажите, сударыня, куда меня? Женщина охнула: «Так тебе и не сказали даже?! В дисбат, сынок! В дисциплинарный батальон!» Я и охренел! «Как дисбат? Какой дисбат?» А на глазах слёзы наворачиваются. Она мне водички: типа успокойся. «В самый обыкновенный дисциплинарный батальон. Замполитом роты охраны. Сто двадцать километров от Ростова» И отошла, чтобы не мешать моему горю. Стою, сам себя добиваю: «Бестолочь! И Ольге уже написал – остаёмся в Ростове. Ничего себе в Ростове – сто двадцать километров ехать куда-то...» Вот влип, «агент КГБ»!

Я закурил сигаретку. Серёга, отсмеявшись, хлопнул меня по плечу:

– Ну, повезло тебе! Теперь тебе и Афган не страшен.

– Да ладно! Между прочим, не так плохо у нас было служить. Во-первых, комбат там – суров мужик. Поэтому дисциплина была запредельная. Во-вторых, офицеры, прапора – все молодые. По четвергам в футбол играли. Праздники, да дни рождения всем городком гуляли. Не жалею, что полтора года за колючкой отбарабанил. Хотя звучит, конечно, устрашающе – «дисбат».

Пока мы с Сергеем болтали о том о сём, на лётном поле произошли изменения. Прилетели вертолёты. Их было десять. Из них выгружались обвешанные оружием, снаряжением, какими-то мешками солдаты. Командовали офицеры, которых можно было отличить только по зычному голосу. Никаких знаков различия на них не было, а амуниции ровно столько, сколько и у бойцов. Долго строились, проверяли оружие, а потом тяжело и медленно пошли в сторону палаток. От строя отделились три человека и направились в нашу сторону. Проходя мимо курилки, спросили:

– Мужики! Места на пересылке есть?

– Да. Есть!

Мы смотрели им вслед, понимая, что эти офицеры или прапорщики вернулись, а быть может, только собираются на боевую работу. Нам очень хотелось узнать, но спросить было как-то неудобно.

– Серый! Смотри, сколько надо таскать на себе. Это сколько же там килограмм? – я представил себя с таким грузом. Верилось с трудом, что со всем этим надо ещё и воевать.

– А ты видал у бойцов? Там же ещё и ПК и АГС.

Ленты с гранатами. Ёлы-палы, хорошо, что я не в пехоте!

Знали бы тогда, что не только ПК (пулемёт Калашникова) и АГС (автоматический гранатомёт станковый) носят на себе солдаты в горы, но и ещё целый арсенал тяжёлого оружия, наверное, не удивились бы внешнему виду тех десантников. Но уже тогда, на пересылке, в первые часы пребывания на войне мы понимали, что ещё многому здесь, в Афганистане, нам предстоит удивляться. Многого постигать и многому учиться.

Удивились мы и тому, что после ужина нас пригласили в кино.

– Юрка, там все в кино пошли. Айда! – к вечеру мы с Сергеем уже были друзьями не разлей вода.

– Что, и фильмы показывают? Надо же!

Мы пришли к так называемому клубу. В землю неровными рядами были вкопаны скамейки. Между двумя столбами был натянут потрёпанный, местами порванный экран. Стремительно темнело. За какие-то минуты всё вокруг исчезло в тягучей, вязкой мгле. И только небо стало фантастически красивым. Такого количества звёзд я никогда прежде не видел. Казалось, что это был один перенасыщенный светом Млечный Путь. На драном экране жили своей жизнью знакомые с детства киногерои. Фильм был старый. Но мало кого интересовало кино. Густую темноту южной ночи периодически вспарывали пунктиры трассеров. Где-то в горах ухали танки. А потом вдруг, показалось – совсем рядом, грохнуло так, что мы примолкли и вжались в скамейки.

– Это «Град» работает, – определил по звуку Серёга-артиллерист.

Ночь жила своей, военной жизнью. И мы стали частью этой жизни. Сидящие вокруг меня люди молчали и думали о своём. Но я уверен, что мысли наши были очень схожи. А вопрос, который крутился у каждого в голове, был одним и тем же: «Что там впереди?»

Глава шестая

Утром, когда солнце только оседлало горизонт, сонный дневальный монотонно пролаял: «Подъём!» И тут же, без знаков препинания: «Кто в штаб армии – автобус через полчаса! Кто в Кундуз, Кандагар – борта будут через два-три часа!» Вся пересылка зашевелилась, дружно матерно выругалась и потянулась к умывальникам. Чистя зубы пастой «Жемчуг», задевая локтем Сергея, я вдруг осознал, что сейчас мой новый товарищ сядет в свой самолёт и улетит. И кто его знает, встретимся ли мы с ним ещё когда-нибудь. Укладывая чемоданы, молчали. Потом прорвало:

- Серый! А фамилия твоя какая?
- Зверев. А твоя?
- Фадеев. Ладно, брат, удачи! Запиши адрес мой домашний...
- И ты мой... Слушай, напиши, как там, в Герате, будешь...
- И ты пиши!

Проводив взглядом группу офицеров и прапорщиков, которые потянулись к диспетчерскому пункту аэродрома, я пошёл к настоящему советскому автобусу – пазику. Настоящему, потому что он был желтым, добрым и домашним. В автобусе сидело семь офицеров. От лейтенанта до подполковника. Молча доехали до штаба 40-й армии.

Утренний Кабул не произвёл на меня никакого впечатления. А быть может, я не был ещё готов к впечатлениям и эмоциям. За окном автобуса была совершенно другая, чужая страна, и я смотрел в окно, как на экран телевизора. Словно телевизионная передача «Клуб кинопутешествий». Долго ехали. Казалось, что пересекли весь город по диагонали. Наконец остановились у ворот воинской части. Боец проверил паспорта. Въехали на территорию. Вышли из автобуса. Над всем, что окружало нас: жилыми модулями, какими-то складами, боксами для техники, – возвышалось на горе красивое здание с колоннами. Туда, в это здание, нас повёл старший лейтенант, представившись инструктором по комсомолу политотдела 40-й армии.

Член Военного совета – начальник всех политработников – общался с нами минут сорок. Наряду с общими фразами об интернациональном долге и о «коммунистах, которые всегда впереди», он сказал многое, что своей прямотой и важностью смысла сразу врезалось в голову. Почему-то особенно запомнились его слова:

- Насрите на бумаги. Главное – люди! Берегите пацанов!

Но тут же добавил:

– Но если приедет проверка, а нужных документов не будет, – пеняйте на себя. Знаете закон замполитовского благополучия?

По улыбкам сидящих рядом майоров и подполковников я догадался, что они этот закон знают. Член Военного совета, казалось, обращался лично ко мне:

- Так вот, закон вечный: сделал что-то – запиши, а не сделал – три раза запиши!

Завершающая часть инструктажа была мне уже знакомой:

- Желая живыми вернуться домой. И чтоб грудь в орденах!

В Шинданд я улетел на следующий день. Повезло. Дежурный ещё утром предупредил, что борт будет часиков в десять. К этому времени я со своими верными чемоданами уже сидел на скамейке у самого шлагбаума перед взлётным полем аэродрома. Летчики Ан-26 только и спросили у меня, записался ли я в полётный лист у диспетчера и, получив утвердительный ответ, «дружелюбно пригласили» в самолёт:

- Давай, грузи свою трихомуть, пехота!

Летели часа два. Всё та же адская посадка. Но аэродром был совсем не похож на кабульский. На бетонке только боевые самолёты и вертолёты. Совсем маленькое здание так называемого аэропорта. И пейзаж совсем другой: горы поднимались где-то у самого горизонта, а вокруг лежала обожженная солнцем равнина. И жара была другой – замешенная на раскаленном песке. Этот мелкий колющий песочек благодаря ветру моментально влез во все поры моей кожи и складки одежды.

Все, кто летел в самолёте, а пассажиров было человек пятнадцать, стремительно и незаметно исчезли. Кого-то ждали и забрали машины, кто-то убежал в сторону близстоящих модулей. Прапорщик из экипажа, увидев моё растерянное состояние, подсказал:

– Лейтенант, по замене? Ну, и что стоишь? Иди, лови попутную машину и дуй в штаб дивизии!

Около диспетчерской стояла только одна машина – ГАЗ-66. Водитель, прикрыв глаза форменной панамой, дремал.

– Эй! Как добраться до штаба дивизии? – обратился я к нему.

Передвинув панаму с носа на затылок, солдат, по-вожски окая, ответил:

– Если хотите, можно с нами. Щас товарищ майор придёт и поедет.

Сказав это, боец исчез в сомнительной прохладе кабины. Действительно, через минут пятнадцать к машине подошёл офицер.

– Товарищ майор! До штаба дивизии не подбросите?

– Заменщик никак?

Майор был в тёмных, солнцезащитных очках, поэтому глаз его я не видел.

– Так точно!

– И куда?

– В Герат. В 101-й полк.

– Ага! Весёлое местечко. Давай, лезь в кузов, лейтенант.

Майор открыл дверь в кабину и весело прокричал водителю:

– Что, Саня, скоро и мне заменщика привезёшь? Осталось всего ничего – полгодика.

– Так точно, товарищ майор! Привезу!

По дороге, а мы ехали через старый город, я с любопытством разглядывал маленькие глинобитные лачуги. Одинаковых, как мне казалось, бородатых мужиков в длинных рубахах. Женщин, завернутых в чадру, как в кокон. Почему-то запомнился пост, где сидели на корточках афганские солдаты и ели арбуз. Один из них, заметив, что я пристально их рассматриваю, на хорошем русском спросил у меня:

– Э, коммодор, арбуз хочешь?

От неожиданности я рассмеялся, на что афганец пожал плечами и отвернулся. наших постов по дороге было значительно больше: почти на каждом повороте или перекрёстке стояли БМП или БТР, на которых дремали, курили или что-то ели советские солдаты.

Через несколько минут мы подъехали к площадке, на которой пристроилось большое количество самой разной колёсно-гусеничной техники. Наш «шестьдесят шестой» остановился. Из кабины высунулся майор и прокричал мне:

– Лейтенант! Приехали. Выгружайся! Штаб дивизии.

Я спрыгнул с кузова, поблагодарил старшего и потащил свои «любимые» чемоданы в сторону КПП. Мне навстречу шли офицеры. Все в тёмных очках. Такого я раньше не видел. Создавалось впечатление, что все вокруг шпионы. Как в старом наивном фильме-детективе. Сам, щурясь и мучаясь от яркого солнечного света, я и не предполагал тогда, что тёмные защитные очки – это уже практически форма одежды военнослужащих в Афганистане. С сожалением вспомнил о своих, которые остались в Ташкенте.

Солдат на пропускном пункте, услышав, что я прибыл по замене, позвонил куда-то и доложил. Потом повернулся ко мне и объяснил:

– Ждите, товарищ лейтенант. Сейчас за вами придут из политотдела.

Пока ждал сопровождающего, я осмотрелся. Территория, на которой располагался штаб дивизии, была настоящим оазисом. Огромные деревья образовали крышу, под которой были прохлада и чистый воздух. Слева журчал фонтанчик, и в небольшом бассейне плавали спокойные и равнодушные ко всему уточки. Справа – небольшой домик, на котором совсем по-граждански было написано «Парикмахерская».

«Ух ты! – подумал я. – Прямо санаторий какой, или пионерский лагерь». Только вместо пионеров или отдыхающих мимо меня проходили в основном старшие офицеры с озабоченными лицами и спрятанными за темными солнцезащитными очками усталыми глазами.

– Лейтенант! Ты по замене?

Ко мне подошёл белобрысый прапорщик с широкой улыбкой и мощным носом-картошкой. На вид – лет тридцати.

– Я.

– Ну так пошли со мной! Я – Сергей. Инструктор по комсомолу политотдела. Тебя как звать?

Прапорщик Сергей понравился мне с ходу. Так же, как и в штабе 40-й армии, меня встречал и сопровождал инструктор по комсомолу. Поэтому я сделал для себя вывод, что эти инструкторы – хорошие и весёлые парни для встреч и сопровождений. Я радостно выпалил своё имя:

– Юра.

– И откуда, брат Юра, ты к нам пожаловал?

– Из Ростова-на-Дону.

Ну не мог же я ему сказать, что прибыл из степей «зажопских».

– Ну и как там Союз? – Сергей вздохнул как-то нежно и глубоко, произнося слово «союз».

– Нормально, – в голове не складывалось, как можно было ответить на этот вопрос.

– «Нормально», – передразнил он меня, – эх ты! Вот что значит только из дома. Ладно, давай, проходи в кабинет замначпо. Потом договорим. Кстати, тебя куда?

– В Герат...

– А-а... так, наверное, это Котельникову замена... – успел услышать я вслед, закрывая за собой дверь в кабинет.

– Товарищ подполковник! – начал я представляться сидящему за столом офицеру, но тот махнул мне рукой, указывая на стул. Сам продолжал говорить по телефону. Повесив трубку на армейский полевой аппарат, подполковник стал, как мне показалось, внимательно и чуть насмешливо рассматривать меня. Потом неожиданно закричал куда-то в закрытую дверь:

– Саня! Александр Иваныч! Загляни ко мне!

Тут же, через секунду, появился высокий майор. Он словно специально стоял за дверью и ждал приглашения. Подполковник, показывая пальцем на мою фуражку, обратился к вошедшему:

– Ты глянь, Александр Иваныч, ка-ка-я фуражка! Это ж моя мечта! Это же ши-та-я фуражка! Да, лейтенант?

Я слегка оторопел. Но тут же отчеканил:

– Так точно, товарищ подполковник! Шитая.

– Не обижайся, лейтенант. Дай посмотреть!

Я снял с головы свою фуражку и протянул через стол. Это действительно была моя гордость. Досталась она мне совершенно случайно. Зам по тылу нашего дисбата сшил её себе в Ростове. На заказ. Судя по огромным полям, видимо, заказывал у портного-грузина. Но она ему не подошла. Вот и продал он мне эту фуражку по дружбе.

– Да-а-а, это вещь! Вот вернусь домой, сразу себе такую справлю.

Подполковник крутил мой «аэродром» и так, и эдак. Было видно, как ему хотелось её примерить, но из последних сил он сдерживал своё желание. Нехотя протянул мне фуражку обратно:

– Подполковник Надымко. Заместитель начальника политотдела дивизии. А ты кто будешь, лейтенант? И где в такой красоте служил?

– Лейтенант Фадеев. Прибыл по замене. С Северо-Кавказского военного округа.

И чуть тише добавил:

– С отдельного дисциплинарного батальона.

Опять уже ставшая привычной для меня пауза. Потом взрыв эмоций:

– Да ты что?! В дисбате?!

Каждый раз, когда я слышал эти «да ты что!», мне казалось, что полтора года я прослужил не в дисбате, а на Луне.

– Так точно! Замполитом роты охраны. А сейчас направлен в 101-й мотострелковый полк...

Подполковник Надымко не дал мне договорить:

– Вместо Котельникова?

– Да.

Замначпо смотрел с явным интересом теперь уже не на мою фуражку, а на меня. О чём-то задумался. Повернулся к майору:

– Слушай, Александр Иванович! А ежели мы этого бравого лейтенанта в ОБМО отправим? Вместо Омельченко. Пусть дисциплину поднимает. Пусть расскажет этим бандитам, почём фунт лиха.

Я ничего не понимал. Каким бандитам? Что такое «ОБМО»? Опять решалась моя судьба каким-то загадочным для меня способом. Майор в ответ на предложение подполковника хмыкнул, потёр руки и пробасил:

– Слушай, Николай Петрович, а ведь хорошая идея. Котельникова заменим заштатным лейтенантом – тот уже неделю без дела слоняется, а на пятую роту этого... как тебя?

– Фадеев.

– О! Фадеева. Расскажешь им про тюрьму. Настоящую дисциплину. Ну, если надо, подзатыльник дашь – вон какой здоровый, – отвернулся от меня к замначпо. – А как начальник?

Надымко подумал минуту. Обратился ко мне:

– Так. Выйди-ка, лейтенант. Подумай насчёт ОБМО, а я позвоню начальнику политотдела.

Он сразу потянулся к телефонной трубке и пробормотал сам себе:

– Начпо сегодня в танковом полку на партсобрании...

Я вышел в коридор. «ОБМО. Это ещё что такое?» – соображала голова. Аббревиатура была для меня новой. У нас в части такого не было. Я попытался в уме расшифровать это сокращение: «О – ясное дело, «отдельный», Б – понятно, «батальон», М – ё-моё! «Медицинский», что ли? О – видимо, «обслуживание». Получился медицинский батальон. А почему бандиты? Тут же сам себе ответил – пьют. Спирт пьют. Много. Так ведь и женщины там. Ну, теперь понятно: пьянство, женщины, разврат... Опять мне «повезло». Ехал на войну, а приехал в вертеп. Из тюрьмы – в бордель! Что ж, блин, за невезуха такая в жизни?

С улицы в тень помещения зашёл мой провожатый прапорщик Сергей. Увидев моё расстроенное лицо, спросил:

– Лейтенант, что опечален?

Я только махнул рукой.

– Да, опять не везёт...

Серёга остановился напротив меня, хлопнул по плечу:

– Что случилось-то?

– Всё поменялось. Вместо Герата отправляют к каким-то бандитам.

– Куда?!

Прапорщик в изумлении вытаращил глаза.

– В медицину.

– Ничего не понял. Причём тут бандиты и медицина?

– Ну, так и сказали: к бандитам в ОБМО.

Прапорщик посмотрел на меня как на больного.

– Совсем запутал. А причём тут ОБМО и медицина?

– Как причём? ОБМО – это что?

Серёга рассмеялся:

– Юра! ОБМО – это отдельный батальон материального обеспечения. А короче, автомобильный батальон. И не думай отказываться.

Глава седьмая

За полсекунды медицина превратилась в транспорт. Час от часу не легче. Я ж не спец в машинах. И хоть твердили нам в училище, что наши выпускники попадают служить во все возможные войска, но я уж никак не предполагал, что такая доля достанется именно мне.

– А почему бандиты тогда? И почему не отказываться?

– Бандиты – потому, что сплошная контрабанда там.

– Ёп!.. – у меня округлились глаза.

– Да подожди ты ёпать. Нормальные там мужики. Можно сказать, отличные! Тебя ведь вместо Омели сватают?

– Не знаю.

– Точно! Вместо него. Это замполит пятой роты. Кстати, из партии исключён за контрабанду. И ротный тоже.

Прапорщик рассказывал об этом так радостно и задорно, что я совсем перестал понимать, где правда или шутка, а где ложь. А Серёга продолжал добивать меня:

– Хочешь, я тебе дам посмотреть журнал учёта преступлений и грубых нарушений в дивизии. Там – половина ОБМО. А из ОБМО половина – твоя рота.

Я почти закричал. Но тихо и тоскливо:

– Какая моя рота? Может, ещё и не отправят туда...

– Раз Надымко и секретарь парткомиссии решили – так и будет. А начпо будет только за. Слушай, а почему именно тебя?

– Как узнали, что я в дисбате служил, так сразу и заговорили...

– В дисбате?!

Слава богу, что в этот момент меня позвали обратно в кабинет, и я не услышал уже доставших меня восклицаний типа «Да, ты что!».

– Ну что, лейтенант, поздравляю! Направляешься в отдельный батальон материального обеспечения. Замполитом пятой роты. Вместо старшего лейтенанта Омельченко. А ты что такой расстроенный?

Только тут подполковник увидел мою кислую физиономию под козырьком так понравившейся ему фуражки.

– Или не хочешь в автомобилисты? Вот чудак. Всё лучше, чем по горам лазить. Скажи, Александр Иваныч!

Слово взял майор:

– Ты что загрустил, Фадеев? Служба не сахар, конечно, но разнообразная. Так сказать, постоянно в пути. Афган посмотришь. И время в дороге всегда быстрее летит.

– Я не про службу, товарищ подполковник. Я про другое. Там что, банда какая-то?

Старшие офицеры рассмеялись. Замначпо снова махнул мне рукой, указывая на стул. Я сел.

– То, что чёрный журнал пухнет от «подвигов» ОБМО, – это правда. Соблазнов много. Каких? Расскажу. Но есть и ещё одна правда – все задачи батальон выполняет хорошо и в срок. Дивизия всегда накормлена. Боеприпасов хватает. Топлива хватает. С утра до вечера в дороге. На бетонке. Попадают в засады. Подрывы. Но всё равно дело делают. Мужики, одним словом.

Я приободрился.

– А то, что нарушений много, тоже факт. Там одна контрабанда. Они же все грузы получают в Кушке. В Союзе.

Увидев мои непонимающие глаза, Надымко терпеливо объяснял:

– Ну, представь: раз, а то и два раза в неделю колонна выходит за границу. Поэтому искушение велико. Что у солдат, что у офицеров. Сколько, к примеру, сейчас в Союзе джинсы стоят?

– Разные есть. От 150 до 250 рублей.

– Вот! – Надымко поднял палец к небу. – А здесь они в три раза дешевле. Плюс ещё шифон...

– Что? – я нечаянно перебил начальника.

– Материал такой. Очень дорогой на Востоке и в Азии. Его в Кушке спекулянты скупают в любых количествах. А здесь его завалили. Вот и вывозят наши. Попадают, конечно, периодически. Вот и пухнет журнал. Наказания разные. Командир твоей роты Климов и замполит исключены из рядов КПСС. А это уже, сам понимаешь, серьёзно. На дальнейшей карьере – крест. Так что смотри, не повтори подвиг!

В тот момент одна только мысль о подобном приводила меня в ужас! «Да чтобы я? Да никогда в жизни! Да под страхом смерти! Да пусть насильно суют – не возьму!»

– У солдат сплошные выговоры по комсомольской линии и дисциплинарные наказания... Вот ты им и расскажи о дисбате, пусть призадумаются. А то ведь найдётся крайний. А мужики-то в целом неплохие. Так что не вешай нос, лейтенант. Замполит батальона у тебя заменщик. Скоро новый приедет. Иваныч! – опять обратился он к майору: – Звони Силину, пусть приезжает новичка забирает. И скажи – с него бутылка!

Прапорщик Серёга терпеливо дожидался меня в коридоре.

– Юрка, ну что? В ОБМО?

Я кивнул головой.

– Молодчага! С Омели брага.

Сергей потёр руки в предвкушении чего-то хорошего. Я, размышляя о своём, слово «брага» пропустил мимо ушей.

– Серый! Дай мне журнал-то этот, как его? Чёрный, кажется? Посмотреть.

– На, любуйся.

Большая синяя тетрадь была пропечатана и прошнурована. На две трети исписана достаточно разборчивым мелким почерком.

– Серёга! – ещё раз обратился я к инструктору по комсомолу. – А ОБМО – какой номер войсковой части?

– Да вот, смотри, – ткнул пальцем в первую же попавшуюся строчку Сергей, – «полевая почта 93981».

Да, офицеры политотдела были правы: эта войсковая часть была самой популярной в журнале. Читаю: «Сержант Куничкин. Вывоз из ДРА в СССР трёх брюк типа джинсы. Выговор без занесения в учётную карточку».

– Ни хрена себе! За контрабанду всего лишь выговор...

Я был искренне удивлён. Мне казалось, что одно только слово «контрабанда» тянет как минимум на расстрел. Серёга на это только посмеялся. Читаю дальше. «Прапорщик Краснянский. Вывоз из ДРА в СССР десяти брюк типа джинсы и девяти метров материала типа шифон. Задержан при вывозе из СССР тридцати бутылок водки. Строгий выговор».

При дальнейшем чтении из меня вылетали только восторженные матерные восклицания. В голове не укладывалось то, что за такие, как казалось мне, серьёзные нарушения следовали такие смешные наказания. И ещё поражал масштаб вывоза-ввоза товара. Особенно количество бутылок водки, которую везли из Союза в Афган.

– Ёлки-палки! А водки-то куда столько? Десять бутылок... рядовой Физер... Двадцать пять бутылок... сержант Багнюк... Тридцать бутылок!!!

– Как куда, Юрка?! – прапорщик поражался моему скудоумию. – Себе, что ли? Нет, конечно. Что-то на продажу. А что? Жить-то надо! Много так раздадут нужным людям. Да

плюс офицеры и прапорщики половину, а то и больше забирают. И тоже не себе... Тому дай, этому дай, в штаб привези, начальнику привези... Да если бы не ОБМО, мы бы тут давно стали трезвенниками тоскливыми. С ума бы сошли! У афганцев спиртного нормального нет. Отрава одна типа кишмишевки.

– А задерживает кто? – я ткнул пальцем в тетрадь.

– Как кто? Бывает, особисты просыпаются. Иногда таможня прогибается перед своим начальством. Но там редко. Всё куплено давно. Там миллионеры работают. Знаешь, сколько они с этого товарооборота имеют?

Я не знал. И не догадывался. Пока.

– А наказания почему такие... слабые?

– Да тут грозных-то не напасёшься... Ты посмотри, сколько раз, к примеру, в журнале упоминается тот же Куничкин? Раз десять. Ну и где мы ему столько суровых статей найдём? А реагировать надо. Вот ротному и замполиту не повезло, конечно. Комиссия была из Ташкента. Вот и попали мужики под раздачу. А Климцов ротный отличный. Да и Омеля, Омельченко, нормальный парень. Сейчас вот офигеет, когда ты нарисуешься в батальоне. Он же заменщика только в декабре ждёт. А как только из партии исключили – он на службу забил. Вот его тобой и меняют.

Я захлопнул тетрадь, догадываясь, что ещё не раз в ней появятся фамилии залётчиков из ОБМО. Себя в этой роли не представлял даже мысленно. Сама формулировка «исключен из КПСС» казалась мне пожизненным заключением, полным завершением карьеры, да и самой жизни.

Мимо меня по коридору прошёл майор. Сразу бросились в глаза его тонкие усики над верхней губой. В сочетании с солнцезащитными очками и полевой фуражкой без растягивающей поля пружины, они производили впечатление, что их хозяин – пижон. Или любит фильмы про гангстеров. Или хочет нравиться женщинам. Майор кивнул то ли мне, то ли Серёге, постучался и прошёл в кабинет. Оттуда сразу раздался добрый смех, приветливый разговор. Через несколько минут из кабинета вышли все, кто там был, – подполковник и два майора.

– Фадеев! Это замполит батальона – майор Силин. Твой непосредственный начальник. Он за тобой.

Я попытался в очередной раз представиться по уставу, но майор криво усмехнулся и перебил меня:

– Забирай вещи и иди на стоянку. Там увидишь КамАЗ с номером 46–11. Грузись. Я сейчас подойду.

Ещё раз увидев большой палец от Серёги: мол, повезло тебе неслыханно, лейтенант, – я потащил свои чемоданы через штабной двор. Сержант, водитель КамАЗа, помог мне закинуть их в кузов. Когда я полез за ними через высокий борт грузовика, боец дружелюбно остановил меня словами:

– Товарищ лейтенант! Зачем в кузов? Садитесь в кабину!

– А замполит батальона?

– А что замполит? Три места. Всем хватит.

– Спасибо!

Но на всякий случай я остался на земле. Кто его знает, как начальник решит. Майор Силин, молча открыв дверь кабины, показал мне рукой – залезай.

«Какой-то неразговорчивый замполит попался», – думал я, пока мы ехали. КамАЗ пылил по бетонке. Я рассматривал окрестности. Сразу было видно, что это огромный военный гарнизон. Никаких афганских лачуг, как по пути с аэродрома, не было. Вдоль дороги, окруженные колючей проволокой, а где и заборами, высились дома, бараки, палатки. К ним примыкали парки боевой техники. Дымились какие-то трубы. Сразу угадывалось, где заканчивается одна

воинская часть и начинается другая. Вскоре мы съехали с бетонки. Через полкилометра замполит наконец-то произнёс первые слова:

- Приехали! Что заканчивал?
- Новосибирское политическое.
- И я Новосибирское.

Сказал он это сухо, но я обрадовался – это ж родная душа! Майор Силин, видимо, моего душевного ликования не заметил. Всё так же лаконично, словно через силу, добавил:

- Пятая рота, твоя то есть, на выходе. Сейчас пришлю старшину. Устраивайся.
- Замполит спрыгнул из кабины и зашагал в сторону модулей. Сержант сразу разговорился:
- Так вы в нашу роту?! А вместо кого?
 - Омельченко.
 - Замполитом?
 - Да.

Тут только до меня дошло, что это мой подчиненный. Я сразу стал искать в его лице черты злостного нарушителя – контрабандиста. Как ни старался – не нашёл. Скорее, наоборот, своей простой манерой общения боец мне нравился.

- Я – замок первого взвода – сержант Куничкин.

«Куничкин, Куничкин... Так это тот Куничкин из дивизионного журнала нарушителей. Надо же! Сразу попал на преступника.

- Я тебя уже знаю...

Удивление приподняло брови моего собеседника.

- А откуда? Может, земляки мы с вами?

– Насчет земляков не знаю, а вот в Книге учёта грубых нарушений твоя фамилия одна из самых популярных.

Куничкин весело рассмеялся. А его ответ поставил меня в тупик:

– Так я ж долгое время командирским водителем был, а щас дембель уже. Сам-то я уже не тарю... Ага! Вон старшина наш идёт.

Пока я переваривал в уме, причём тут «командирский водитель», «дембель» и какая-то «тара», к нам подошёл рыжеволосый старший прапорщик. Его внешний вид резко отличался от всех окружающих – он был в примерно выглаженном п/ш с белоснежным подворотничком. Все остальные: и офицеры, и солдаты ходили в обычном солдатском х/б. Сержант радостно прокричал ему:

- Товарищ старший прапорщик! У нас новый замполит!
- Без тебя уже знаю.

Старшина говорил с приятным, неизвестным мне акцентом. Он протянул мне руку:

- С прибытием! Я – Олег Соснович. Старшина пятой роты.
- Юра. Лейтенант Фадеев. Вот, назначен к вам...

Я отчего-то смутился. То ли оттого, что не знал как себя вести, ведь старшина был мой подчинённый, и я не мог допустить неуставного панибратства: Юра – Олег. Так меня учили в училище. Так строились служебные отношения в дисбате. А может, застенялся оттого, что почувствовал себя молодым «чижиком», не знающим, как себя преподнести в первую минуту. Соснович сделал вид, что не заметил моего замешательства.

– Куничкин! – он обратился к сержанту, – хватай чемоданы замполита и неси ко мне в каптёрку. Ну что, – это уже мне, – пойдём в роту. Как раз к обеду поспел.

Старшина посмотрел куда-то мимо меня и остановился:

- Так. Подождём. Командир идёт. Кушнаренко.

Я оглянулся. К нам подходил, чуть прихрамывая на правую ногу, майор. На нём была панамы с обвислыми полями. Я только успел шёпотом спросить у Сосновича:

- Командир части?

Тот кивнул. Поднимая пыль, я направился строевым шагом к идущему офицеру. Начал строго по уставу:

– Товарищ майор! лейтенант Фадеев. Представляюсь...

– Расслабься, лейтенант.

Командир батальона воткнул в меня насмешливый взгляд и почти минуту молчал. Я смотрел на него. И снова мне стало неловко. В первую очередь за свой внешний вид: после недельного пребывания в Ташкенте, после всех пересылок и перелётов выглядел я, мягко сказать, помято.

– Ну что, лейтенант, водку пьёшь?

Вопрос сбил меня с толку.

– В смысле?

– В прямом! Водку, спрашиваю, пьёшь?

– Так точно. Бывает...

Майор поморщился и повернулся к Сосновичу:

– Ну вот, старшина, опять прислали пьянь. Ладно. Иди, устраивай своего нового комиссара. Что там у тебя опять хрень какая-то по бане? Зампотыл жаловался...

– Какая хрень, товарищ майор?

Старшина говорил с командиром ровно и спокойно. Мне это понравилось.

– Он сначала приказал разбивать снарядные ящики, а потом сам же, блин, разорался – на фига разбили? А зашивать тогда чем?

Комбат только махнул рукой и уже на ходу добавил:

– Ладно, разбирайтесь сами. Но к Новому году чтоб баня блестела!

Соснович снова заговорил со мной. Заговорил так, как будто мы с ним были знакомы не десять минут, а десять месяцев:

– Баня у нас тут малёха подгорела. Вот делаю ремонт. Всё ж сам достаю, да ёще и получаю от придурка этого – зампотыла. Ладно, Юрка, пойдём. Пока в каптёрке вещи бросишь. Потом к Омеле зайдём. Он сегодня болеет с похмелюги.

– Слушай, Олег, а что это у тебя за акцент такой?

Я почему-то моментально забыл про свои «страдания» по поводу уставных отношений и принял дружескую манеру общения.

– Какой акцент? Я и не замечаю. Может, белорусский? Я ж из сябров. Из-под Минска.

– Ага. Наверное.

Мы направились в сторону модулей. Всего их было шесть штук. Всё те же типовые щитовые бараки. Из некоторых окон торчали наружу какие-то ящики.

– Олег, это что?

– Где? – он посмотрел по направлению моей руки. – Как что? Кондиционеры. Ты что, раньше кондиционеров не видел?

«Странно, – подумал я про себя, – может, просто никогда не обращал внимания».

– Видел, наверное, но...

– Кондёр – это жизнь! Летом без него сдохнешь. Сейчас уже прохладнее, терпимо стало. А летом – просто пиндец! Хотя и сейчас не подарок. Вот, через часика два задует «афганец» – наешься песку.

Старшина вёл меня через плац, успевая рассказывать и показывать мне, где что располагается. Тут же, не переключаясь, он отвечал кому-то, проходящему мимо, и сам кому-то кричал и кого-то спрашивал:

– Здесь у нас штаб батальона. Саныч, привет! Где Куничкин? А хрен его знает. Если в роте – щас пришло.

Тут же мне:

– Куничкин сегодня – дежурная машина. Вот – офицерская общага, там, дальше, нужник. Слева – женский отсек, справа – мужской. Вон, смотри, столовая...

И опять кому-то:

– Серый! У нас заменщик к Омеле приехал! Он, наверное, и не знает ещё. Зайди, скажи, пусть готовится выставляться...

Мне:

– Наши только завтра из рейса придут. Как там Союз?..

Не дождавшись моего ответа, стукнул по плечу вышедшего на крыльцо прапорщика:

– Петрович! Заходи после обеда! У нас новый замполит! Ты сапоги на бойцов получил?

Юрка, познакомься – старшина второй роты. Петрович. Фирсов.

Пока мы ручкались со старшим прапорщиком, который по возрасту был гораздо старше и меня, и Сосновича, где-то позади нашего модуля раздался истошный крик. Крик нарастал и приближался. Два старшины понимающе заулыбались. Теперь и я услышал, что в этом безумном вопле было всего одно слово:

– За-а-а-ме-е-ена!

Потом добавился ликующий мат и на дорожке появился бегущий в нашу сторону большой человек. Не трудно было догадаться, кто это был.

– Олег!!! Олег!!! Домой, бляха, домой-й-й-й!!!

Омельченко оказался здоровым, небритым и, по-моему, уже принявшим на грудь мужиком. В спортивных штанах и майке. Он сгрёб меня в охапку и занёс в расположение роты. Бережно поставил на пол, снова прижался ко мне небритой щекой. Потискал, похлопал:

– Ну, привет, брат! Здравствуй, мой родной!

В его голосе было столько счастья, что я безоговорочно признал его своим братом. Тем более что вблизи Омеля оказался почти моим ровесником. Ну, может, чуть постарше. Вот только щетина и лохматая голова не давали точно определить его возраст.

– Слава. Слава Омельченко. Но все зовут просто – Омеля.

– Юра. Фадеев.

Мы обменялись крепким рукопожатием.

– Вот, блин, подарок, а? Я ж замену-то жду только в декабре. Ну, не верится просто, а, мужики! Домой, ё-моё! Как так получилось-то?

Я пожал плечами и вкратце рассказал всем свою историю в штабе дивизии. При слове «дисбат» Соснович и Фирсов переглянулись, Омеля же округлил глаза:

– Ни хрена себе! А при чём тут Северо-Кавказский? Я прибыл из Киевского. Туда же и записался. У меня семья в Полтаве. Вот мудаки! Хрен они угадали! Здесь всё поломали, так ещё и посылают куда-то в жопу...

Старшина успокаивающе боднул его в плечо:

– Омеля! Да успокойся ты! Не гоношись раньше времени. Самое главное – домой. А там разберёшься. Ты давай брагульник ставь быстрее. Отходную гулять будем.

У Славы Омельченко настроение менялось ежесекундно. Казалось, что минуту назад он был готов растерзать каких-то неизвестных мне «мудаков». Но уже в следующее мгновение, вновь услышав слово «домой», опять заорал на всю казарму:

– Дневальный! Рахматуллин! Ты слышал?! Всё! Пи... ец! Домой!

– Тэк тчно, тыварыш старший лейтенант! Слышил, – отозвался солдат, стоящий у тумбочки. И на таком плохом русском языке, что я невольно сделал несколько шагов в его сторону. Так и есть! Широкое смуглое лицо. Раскосые глаза. Не иначе туркмен или узбек.

– Есть брага! Есть! Всё будет! Как положено!

Омеля от переизбытка эмоций ещё раз ткнул меня в плечо, развернулся в сторону спального расположения солдат:

– Эй! Кто живой?

Соснович тронул меня за руку: – Юрка! Пойдём ко мне! Мы зашли в святая святых всех армейских старшин – в комнату хранения ротного имущества, а проще говоря – в каптёрку. У хорошего хозяина там всегда царил безупречный порядок. Только один старшина знал все секреты своего амбара: где что лежит и сколько богатства в его закромах. Ну, может, ещё его доверенное и проверенное лицо – «каптёрщик». В моей роте охраны, что в дисциплинарном батальоне, у старшины в каптёрке порядок был идеально холодным, я бы ещё сказал – «витринно-музейным». У Сосновича порядок был не менее безупречным, но по-домашнему уютным. Скорее всего, теплота в этом казенном помещении исходила от кровати с огромной деревенской подушкой и фотографий, развешанных над ней.

– Олег! А ты что, живёшь прямо здесь?

– Конечно! Сначала пожил немного в общежитии, но потом перебрался сюда. Во всех отношениях удобно.

Я пожал плечами, не понимая сути этих удобств. Что хорошего жить среди солдатского обмундирования, противогазов и прочего барахла? Соснович правильно истолковал моё недоумение:

– Вот поживёшь в общежитии – узнаешь. Там же вечный проходной двор! То пьянки, то гулянки! Я, конечно, тоже выпить не дурак, – Олег тронул пушистые, рыжие усы, словно вытирая капельки невидимого хмельного зелья, – но время и меру знаю. А здесь никто меня не трогает. Да и оболтусы эти под рукой, – он махнул рукой в сторону солдатского расположения.

– Слушай, а почему ты в п/ш ходишь, а все остальные в солдатском?

– Ну, так я же в рейсы редко хожу. Всё больше здесь, на хозяйстве. Что ж распускаться-то? А в рейс, конечно, удобнее в хэбчике.

Олег нравился мне всё больше и больше. Его спокойствие, рассудительность, ироничность, даже мягкий белорусский акцент импонировали мне до глубины души.

– А ты сколько уже в Афгане?

– Да год почти. Одиннадцать месяцев.

Старшина глянул на мои чемоданы, которые явно не вписывались в привычную для него обстановку помещения. Поймав его взгляд, и я посмотрел на них недобро:

– Блин! Тащу их – матерюсь на нашего Цымбаря...

– Это ещё кто?

– У нас в дисбате парторг. Он в Афгане был. Вот и наинструктировал меня.

– Понятно. Раз был – плохого не посоветует. А водчонки-то союзной привёз?

Я пнул ногой по чемодану:

– Конечно! Только ведь две бутылки. Больше через границу не пускают...

– Знаю я, – Соснович характерным жестом потёр руки, – завтра наши из рейса привезут. Они на Кушку ушли. А щас предлагаю по маленькой перед обедом. Так сказать, за прибытие в батальон.

Я удивился.

– Как? Прямо сейчас? Так ведь рабочий день в разгаре.

– У кого, может, и в разгаре, а у нас праздник в роте. Не каждый день заменщик приезжает. Так что давай, Юрка, доставай!

Я быстро открыл чемодан и достал бутылку «Пшеничной».

– Слушай, Олег, у тебя на меня х/б не найдётся? А то я уже десять дней эту форму не снимаю. К телу прилипла.

Старшина прекратил открывать банку с тушенкой и подошёл к стеллажу:

– Найдём. Не вопрос! Размер у тебя эдак пятьдесят второй? А рост шестой?

– Точно.

– На, держи! Не новая, но стираная. Новую получишь на складе. Вот тебе панама ещё. А сапоги-то есть? Говнодавы? Не хромовые же здесь носить.

– Юфтевые? Есть.

– Ну и отлично! Одевайся, выпьем и пойдём в столовую.

Я переоделся в солдатское обмундирование. Подошёл к зеркалу. Увидев своё отражение, хмыкнул. Олег повернулся ко мне:

– Ты звёздочки-то на погоны повесь. А то совсем как боец-новобранец. И вот, на, возьми эмблемки – колёса с крыльями. Ты ж теперь автомобилист. Кстати, в воскресенье наш праздник.

– Какой?

Я воткнул в погоны по две маленькие звёздочки и снова превратился в лейтенанта.

– Как какой? Профессиональный. День шофёра. Гулять будем. Ну, давай по сто грамм фронтовых за прибытие.

Мы выпили водки из солдатских кружек. Соснович тут же налил ещё.

– И за знакомство. Завтра рота придёт – обмоем это дело по-настоящему.

– Слушай, а сколько в роте человек?

– Бойцов? Семьдесят восемь голов. Плюс командир – Мишка, зам его – Марчелло, ты – замполит, три взводных, да я – старшина. Завтра со всеми познакомишься. А сейчас в роте осталось девять оболтусов. Много говорим. За знакомство!

– За знакомство!

Глава восьмая

Спиртное булькнуло в мозгу, и сразу стало веселей. Когда мы вышли на крыльцо модуля, где располагалась наша пятая рота, мне уже не казалось, что всё вокруг было новым и незнакомым. Да и я уже не выделялся своим внешним видом от остальных. Ветер усиливался. Он уже не беспокоил порывами, а дул мощно, колючим, тугим валом толкая в грудь или спину. Мы пошли в столовую. Мимо нас в том же направлении строем двигались солдаты. Многие с интересом оглядывались на меня, сразу определяя новенького. Бойцы колонной по одному заходили в главный вход здания с металлической крышей. Соснович назвал его цээрэмкой. Олег подтолкнул меня по направлению к другой двери, где народа было значительно меньше:

– Там зал для офицеров и прапорщиков. Хотя кормят всё равно из одного котла.

После прогулки под песчаным дождём в помещении мне показалось уютно и комфортно. Десяток столиков. Солдат в белом фартуке и колпаке разносил тарелки с едой. Мой старшина поприветствовал сразу всех:

– Приятного аппетита! У нас новый замполит!

Обеденный зал загудел. Всё пришло в движение. Мне протягивали руки. Представлялись. Не запоминая имён, я добротой пожимал чьи-то ладошки. Улыбался. Не успевая отвечать на одни вопросы, тут же слышал другие:

– Как там Союз? Откуда приехал? С какого училища?..

Соснович усадил меня за стол. Махнул всем рукой:

– Ну, что как мухи налетели? Дайте человеку пожрать.

Потом закричал в сторону солдата-официанта:

– Э, боец! Давай метай на стол! Что там у нас сегодня?

– Олег, постыдился бы, – прапорщик за соседним столиком повернулся к нам, – что это ты нового замполита «парашкой» решил угостить? Поляну бы накрыл праздничную. У тебя ж в закромах всё есть.

– Есть, есть! Да не про вашу честь. Завтра рота вернётся, вот и накрою. А пока пусть попробует нашей хавки.

Обед оказался таким же невкусным, как и на кабульской пересылке. Только здесь, в отличие от того, кроме тушёнки на столе стояла большая тарелка с килькой в томатном соусе. Соснович почему-то назвал её красной рыбой. Ещё я отметил для себя, что всё, что присутствовало на столе: и хлеб, и тушёнка, и килька, – было накрыто марлевыми колпаками. Предположил, что это защита от мух, которых здесь было в избытке. Олег подтвердил мою догадку:

– Ешь, не зевай – мух отгоняй! А-то сразу в супе будет десяток!

Не сказать чтобы сытыми, мы вышли на крыльцо столовой. Закурили.

– И всегда так кормят?

– Что, Юрок, не наелся? – вопросом на вопрос ответил старшина.

Я поморщился:

– Да как-то не очень.

Олег рассмеялся:

– То, что похудеешь скоро, – это факт. Но с голоду не помрёшь. А в рейсе так вообще лафа. Если вместо сух-пая дают продукты, то готовят бойцы сами. У нас в роте узбеки есть, они из говна конфетку сделают. Плюс – у нас же сухогрузы. То картошечку везут, то лучок свежий. А у меня плитка есть. Так что, Юрок, не дрейфь. Будем сыты!

– Сухогрузы – это как?

Мы направились в сторону модулей. По пути Соснович терпеливо объяснял мне то, что я не знал:

– В батальоне пять рот. Первая и вторая – на «Уралах», бортовые машины. В основном возят боеприпасы. Третья и четвёртая – наливники, бензовозы. А мы – на КамАЗах. Возим то, что придётся: продовольствие и стройматериалы, медикаменты и уголь... Короче, всё возим. И боеприпасы тоже.

Олег на секунду замолчал подумал и добавил:

– Вообще-то, все всё возят. Что нагрузят, то и тащим. А вот наш магазин. Но тебе сюда ещё рано. Денег-то нет. Пойдём лучше к Омеле зайдём. Посмотришь свою комнату.

В длинном прохладном коридоре жилого модуля было просто чудно. Ветер с песком, который старшина называл «афганцем», являлся сильным раздражителем. Поэтому в помещениях сразу чувствовалось облегчение.

Соснович постучал в дверь:

– Омеля, открывай! Заменщик пришёл!

Дверь тотчас распахнулась:

– Заходи, брат!

Здоровяк снова обхватил меня руками, приподнял на воздух и потрянул, как мешок. Затем запустил руки в свои чёрные, давно не стриженные волосы. Потом, видимо, не справившись со всем тем, что распирало его грудь, заорал:

– До-о-мой!

Соснович и я смотрели на него с сочувственной радостью. Понимая, что такой восторг мне суждено будет испытать только через два года, да и то при удачно сложившихся обстоятельствах, я искренне завидовал Омельченко. Уловив грусть в моих глазах, старшина хлопнул меня по плечу:

– Не грусти, Юрка! Придёт и наше время. Вот твоя комната. Видишь, повезло. Омеля один живёт. А в других и по пять человек есть.

Комната мне не понравилась. «Да, повезло! – подумал я. – Понятно, почему один. Нормальный человек здесь жить не будет!» Помещение было запущено до предела. Голое и неприветливое. Пахло кислой сивухой и мочой. Окно закрывала какая-то блестящая плёнка.

– Да не расстраивайся ты так!

Олег спешил меня утешить, видя моё огорченное лицо:

– Это только у Омели такая запущенная комната. Я же говорю – он на всё забил. Только пил. А мы сделаем тебе квартирку как картинку! Всё досками обобьём, кондёр достанем. Будешь королём тут! Ладно, пошли в роту. Поживёшь пока в каптёрке со мной!

Вышли на улицу и снова попали в песчаную метель.

– Олег, а что, Омеля всегда таким был?..

– Каким таким?

– Ну, пофигистом, что ли?

– Нет, конечно! Нормальный мужик. И замполит неплохой!

– Не знаешь, какое он училище заканчивал?

– Как какое? Политическое! Донецкое, кажется.

– А...

Глупо, наверное, но я обрадовался, что не наше новосибирское. Соснович, не поняв смысла моего «а-а-а», продолжал:

– Его историю иначе, как невезухой, не назовёшь. Понимаешь, все потихоньку, как бы это сказать... куплей-продажей занимаются. Что-то сдают. Что-то покупают. Ну, раз возможность такая есть, почему бы и не использовать? Правильно?

Я осмотрительно промолчал. Олег и не ждал ответа:

– Тем более что Омеля никогда не наглед. Как все, так и он. А тут бумага в дивизию с границы пришла. В принципе, как обычно. В первый раз, что ли? Таможня пятую роту подловила. Кто-то настучал. А в штабе дивизии как раз «кроты» из ТуркВО...

– Кто?

– «Кроты»! Ну, комиссия. У них же главная задача – накопать побольше да поглубже! Перед своими начальниками прогнуться. Полковники эти – в политотдел: типа как будете реагировать? Наши, как всегда, хотели выговорами обойтись, а те ни в какую – накажите так, чтобы другим неповадно было! Вот Климов и Омеля из партии и вылетели. Мишке-то пофиг. Говорит: «Я и так в академии не собирался». А для Омели, сам понимаешь...

Я кивнул головой. Да, для политработника исключение из КПСС – исключение из профессии. Карьера в армии, можно сказать, закончена.

– И он запил, что ли?

– Враз! Сказал замполиту нашему, Силину: «Забудьте обо мне, раз сдали меня!»

– Да. Правда невезуха!

– Конечно! Но бывает ещё хуже. Вот майору одному с Гератского полка не повезло так не повезло! Мужик в дукан продал четыре колеса от газика и получил за это четыре года!

Мои глаза округлились:

– Ни хрена!

– Вот тебе и ни хрена! Приказ по всему Афгану зачитывали. А толку? Всё равно как сдавали духам всё, что можно, так и сдают...

– В каком смысле «всё, что можно»?

– В самом что ни на есть прямом!

Олег засмеялся:

– Много, Юрка, ты тут интересного узнаешь! Не всё сразу!

В роте у тумбочки дремал дневальный с автоматом за спиной.

– Рахматуллин! Проснись, чудо! Смотри, новый замполит наварит в рог! Будешь знать, как спать!

Солдат с испугом посмотрел на меня:

– Ныкак нэт, таварища старышина, не сыпылю я!

Соснович не сильно ткнул его кулаком в лоб:

– Я те дам, не сплю! Нерусь! Где личный состав?

– Састав в роте!

Мы прошли в спальное расположение. Всё как обычно в солдатских казармах. Кровати в два яруса, тумбочки, табуретки. В конце прохода большой телевизор. Всё чисто и аккуратно. Я ещё раз с уважением отметил про себя, что старшина на своём месте. Шестеро бойцов, не раздеваясь, а только сняв сапоги, лежали на кроватях. К моему удивлению, Соснович отнёсся к этому абсолютно спокойно:

– Так! Хорош дрыхнуть! Поднимайтесь! Через десять минут строиться на развод! Куничкин где?

– В штаб ушёл! – ответил, потягиваясь, младший сержант. – Он же сегодня дежурная машина. Товарищ прапорщик! У нас что, новый замполит?

– Новый-новый, Рубан! Такой же здоровый, как Омельченко. Так что спуску вам, разгильдяям, не даст! Вот завтра рота вернется, и представят вам его официально. Давай, строй своих калек на развод!

Пока Олег разговаривал с бойцами, я зашёл в главный «мавзолей» замполита – ленинскую комнату. «Могло быть и хуже! – подумал я, разглядывая стандартный набор стендов на стенах, – убого, конечно, но главное – есть всё, что нужно!» На меня строго смотрели лица членов Политбюро ЦК КПСС. Министр обороны СССР и его заместители выстроились в почётном

строю. Решения последнего съезда коммунистической партии были обведены жирной красной рамкой. Под ними, уже скромнее, были прописаны различные приказы и директивы на все случаи жизни. Лейтмотивом настенной агитации был лозунг: «Воин! Гордись выполнением интернационального долга!»

– Юрка! – старшина зашёл в ленкомнату. – А, смотришь свой кабинет? Видал, какие я столы урвал на складе! Настоящие парты!

– А раньше что было?

– Говно! Разнобой всякий! Где что спи... достали, то и несли! Ты тоже не щёлкай! Как увидел полезную вещь – тащи в роту! Мне вон давеча знакомые разведчики бакшиш сделали. Целый рулон красного материала! Они караван взяли со всяким шмотьём, вот и поделились.

– Что, просто так отдали?

– А что ты удивляешься? Надо везде друзей иметь! Мы им тоже – то картошки свежей подкидываем, то мешочек муки, то кружечку дрожжей...

– А это зачем? Пироги, что ли, пекут?

Олег в который раз расхохотался над моим вопросом:

– Ага! Пироги! Кулинары, блин!

Соснович отсмеялся и продолжал:

– Ну, ты даёшь! Бражку ставить! Чтобы брагульник поспел, что для этого надо?

Я пожал плечами. Слово «брагульник» слышал впервые.

– Сахар и дрожжи! У нас под боком дивизионный хлебозавод! Кстати, бойцы их живут в нашей же казарме: мы – справа, а они – слева. А старшина – мой корешок. Поэтому такие дефицитные для Афгана дела, как сахарок и сухие дрожжи, у нас всегда имеются. А соответственно, что? Делай вывод!

Старшина смотрел на меня как на школьника. Но я опять сходу не врубился:

– Что?

– Тьфу ты, ёлы-палы! Брагульник у нас всегда есть! Кстати, пошли-ка, ещё по сто грамм водочки примем! Тогда лучше соображать начнёшь!

– А развод?

– Что развод? Потом пойдём на развод. Роты всё равно нет. Делать нечего. Силин что сказал? «Устраивай нового замполита!» Вот я тебя и устраиваю. Пойдём!

Глава девятая

Послеобеденное построение ОБМО проходило в автомобильном парке. Личного состава на нём было немного. Только одна рота в полном составе стояла в батальонном строю.

– Остальные в рейсе, – пояснил мне Соснович.

Развод прошёл очень быстро. Сказывался «афганец», не дающий ни поднять голову, ни что-то вразумительное сказать.

– Сегодня что-то совсем разошёлся!

Лейтенант, стоящий рядом, протянул мне руку:

– Наиль. Абдуллаев. Зам третьей роты.

В столовой, на обеде, этого офицера я не видел.

– Юра. Фадеев. В пятую роту пришёл. Ты тоже замполит?

– Нет. Как говорится, чистый зам! Технарь.

– Давно в Афгане?

– Месяц. «Чижик» ещё. Сам откуда?

– С Северо-Кавказского...

– Нет, родом откуда?

– С Кавказа. В Орджоникидзе родился.

– Осетин, что ли?

– Нет. Родители военные. Отец там служил.

– А я с Узбекистана. С Коканда.

То, что Наиль восточных кровей, было ясно и без справки. Высокий, смуглый, худощавый. С раскосыми глазами и белозубой улыбкой. По-русски он говорил без какого-либо акцента:

– «Афганец» сегодня как взбесился!

– Часто так?

– По-разному! Не поймёшь. Жара, а он дует и дует. И прохладней-то не становится. Песок и пыль достали уже! Ладно, пойду к своим. Машины надо готовить. Мы завтра на Торагунди уходим. Я в седьмой комнате живу. Заходи!

– Спасибо, обязательно!

Я оглянулся, но своего старшину не увидел. Зато попал «глаза в глаза» замполиту батальона. Он поманил меня рукой:

– Ну что, Фадеев, знакомишься с народом? Переделся уже. Молодец!

Создавалось впечатление, что майор Силин говорил нехотя и вяло, словно делал одолжение.

– Так точно! Потихоньку осваиваюсь.

– Какую роту в училище заканчивал?

– Шестнадцатую! Но начинал в первой!

– Ух, ты! А я заканчивал первую! В семьдесят пятом!

– Я только в семьдесят девятом поступил!

Силин оживился. Улыбнулся:

– И куда только нашего брата не бросают! Уж как я не хотел в ОБМО идти... Но вот уже замену жду со дня на день.

Мне стало интересно:

– А почему не хотели, товарищ майор?

– В Союзе вся служба в пехоте шла. Привык. Знал всё. А здесь несколько другая специфика. Пришлось привыкать. Вникать. Вот и ты вникай поскорее!

– Расскажите, товарищ майор, специфика-то в чём? Я ж вообще из дисбата пришёл.

В первый раз слово «дисбат» не произвело никакого впечатления на моего собеседника.
– Ладно. Пошли в штаб, в мой кабинет. Пообщаемся.

Очередной модуль, как все. Только таблички на дверях с указанием хозяев служебных помещений. Силин пропустил меня вперёд:

– Проходи. Садись! Спрашиваешь, в чём особенность службы в ОБМО?
Я кивнул головой.

– Во-первых, в том, что люди всегда в дороге. Как бы это сказать? Россыпью, что ли. И заметь, каждый в своей машине! И каждый должен сам принять решение в экстремальном случае. В пехоте проще: вот рота, вот строй, вот командир! Поэтому запомни: есть свободная минута где-нибудь на ночёвке в полевом парке – нечего бойцам груши околачивать! Дрессируй их!

– Как это?

– Проигрывай с ними боевые ситуации на дороге. К примеру, засада или подрыв. Пусть изображают из себя КамАЗы. Главное, чтобы знали, кто что должен делать. Понял?

– Так точно, понял!

Сказав замполиту «понял», почувствовал, что ничего не понял! Я и сам пока не знал, что надо делать при подрыве или, не дай бог, при засаде. Но в который раз переспрашивать было уже выше моих сил. Мне стало казаться, что этот день вопросов-ответов никогда не закончится. Ещё утром был в Кабуле. А вот прошло всего несколько часов, и я получаю инструктаж в шиндандском ОБМО. Кстати, вместо гератской пехоты. Новой, разной по сути и значению информации было столько, что она отказывалась уместиться в голове. Я себя утешал только одним: потом всё уточню у старшины. А Силин продолжал:

– Во-вторых, тут хоть вешайся, а дисциплина у бойцов ниже плинтуса! Вот говорят, что со следующего года закроют Кушку...

– Как закроют? – снова, не удержавшись, переспросил я.

– В смысле, что не станут колонны пересекать границу. Все грузы будут получать в Торангундях. Туда железнодорожную ветку тянут. Там все склады разместят. Вот тогда и уйдёт вся контрабанда! И закончится для нас, вернее для вас, дрючилово на каждом совещании в дивизии. Понял?

Это и для меня было понятно:

– Ясно!

– Ладно, Фадеев, иди! Не тушуйся! Быстро во всё вникай. Не стесняйся – спрашивай, если что. Старшина у тебя дельный мужик! Зам в роте хороший – Марков. Год прослужил. Климцов, командир роты, и взводные – заменщики. Скоро уходят. Старайся установить со всеми добрые отношения. Конечно, есть здесь свои нюансы, негласные законы! Так что ты со своей колокольни да со своим уставом поаккуратней. С контрабандой осторожней!

– Да я...

– Что «я»? Шальные деньги заманчивы! Раньше времени не зарекайся! Меру знай во всём! С солдатами особо не цацкайся и не братайся, а то на голову сядут. Водки много не пей! А в целом...

Замполит замолчал. Усмехнулся чему-то своему. Встал из-за стола:

– В целом – как сложится, так и сложится: всё в твоих руках! Вот на днях придёт новый начальник вместо меня – тебе с ним работать! А я уже одной ногой дома! Давай, новосибирец, не опозорь родную бурсу!

– Постараюсь, товарищ майор! Ещё один вопрос разрешите?

– Давай!

– По службе. Я имею в виду – чем замполит здесь должен в основном заниматься-то?

Силин хмыкнул:

– Да всем! Будешь и начальником колонны в рейс ходить, и в техзамыкании, и замполитом, и, если надо, водителем. Но самое главное, что с тебя будут спрашивать, – дисциплина в роте. Учти, водители народ борзый! Особенно старослужащие. Плюс у тебя только национальностей одних есть и будет порядка двадцати. А это – землячества, народные чудачества...

Замполит прямо стихами заговорил:

– Многие друг друга на дух не переносят! А ещё наркота!

– Какая наркота?

Всё перечисленное Силиным не прибавляло мне задора, но слово «наркота» просто убило.

– Ну, лейтенант, ты даёшь! Ты куда приехал-то? В Афганистан! Здесь этого дерьма как грязи в русской деревне! У них травка, гашиш, или, как они его называют, чарз, вообще за наркотик не считается. Дети курят с детства. И нашим бойцам просто так раздают! А пакетики с героином специально закидывают в кабины на стоянках. Умный выкинет, а дурак решит попробовать. И, к сожалению, таких безмозглых хватает! Вот за этим тоже очень внимательно следи!

Моя голова опухла. Я просто физически чувствовал, как закипают мозги. В черепе, как в кастрюле, всё превращалось в какую-то кашу. Наверное, весь этот болезненный процесс как-то отразился на моём лице. Замполит, увидев его, рассмеялся:

– Что, Фадеев, напугал я тебя? Так ведь я ещё не про все страсти-мордасти рассказал. Но не буду! Сам всё узнаешь. Не волнуйся – не всё так мрачно, как я тебе нарисовал. Со старшиной познакомился?

– Так точно!

– Нормальный мужик?

– Вроде да.

– В роте был?

– Да.

– Порядок?

– Порядок!

– Значит, всё нормально! Служба идёт! Рота твоя все задачи выполняет. И не представляй себе заранее своих бойцов бандитами и наркоманами! Это обыкновенные мальчишки! Самые что ни на есть советские солдаты! Найдёшь с ними общий язык – всё будет хорошо! Всё! Иди! Принимай дела и должность. Желаю успеха!

«Дежурна па рота, выхд!» – закричал дневальный, при моём появлении в казарме.

Увидев всё того же солдата у тумбочки, я подошёл к нему:

– А ты что, вечный дневальный, что ли?

– Тэк тчно!

Из последних сил я сдержал улыбку, слыша этот «чудесный» русский язык. Из спального расположения появился сержант. Он козырнул мне и представился:

– Дежурный по роте младший сержант Рубан.

– Где старшина?

– У себя в каптёрке. Товарищ лейтенант, а вы откуда приехали?

– Из Ростова-на-Дону.

– А-а... – разочарованно протянул дежурный.

– Что так печально?

– Не, думал, может, земляки. У нас в роте с Ростова никого нет.

– А откуда есть?

– С Украины много. Башкиры. Узбеки есть. Два грузина. Да много откуда. Но ростовских нет.

– А я родом не из Ростова. Служил просто там до Афгана.

– Ясно. А дом тогда ваш где?

Рубан был разговорчивым парнем. Выглядел опрятно и молодцевато. Подворотничок на х/б сверкал. И пришит был с проволочкой под белым материалом. Так себе может позволить только старослужащий воин. Держался и говорил свободно, но за рамки приличия не выходил. Манерой общения он сразу напомнил мне Куничкина – первого моего знакомого с нашей, пятой, роты. Видимо, сержанты были одного призыва.

– Родился я на Кавказе. Потом долго жил на Украине. В школу ходил в Казани. А военное училище заканчивал в Новосибирске... Так что, сам видишь, земляков у меня может быть много.

– Ништяк! Из Казани есть! Байматов. Завтра из рейса придёт!

– Ну, вот и хорошо! Завтра и познакомимся. А сам откуда?

– Из Донецка. Знаете такой?

Иронии в его вопросе я не услышал, хотя мне он показался глупым:

– Знаю-знаю. Угольная столица Украины.

– Ага, она самая.

– Ладно, давай служи!

Я повернулся в сторону каптёрки, считая разговор законченным, но вслед услышал смех и слова дежурного:

– Хорошо погулять вам! Вон, Омельченко прибежал, трёхлитровую банку самогонки принёс...

– Олег!

Старшина поднял голову от стола, на котором лежала какая-то ведомость:

– Ну что, потолковал с замполитом?

– Да. Пообщались. Слушай, а чего это боец на тумбочке говорит, что он вечный дневальный?

– Кто? Рахматуллин?! Это, конечно, загнул малец. Но стоит... Сколько стоит-то? Вроде уже неделю. Это правда. А что делать? Народу не хватает. У кого машины на ходу – те в рейсе. А в наряд – безлошадные. Сержанты меняются. Вон, Рубан ждёт не дожждётся, когда на выход пойдёт. Никто не любит на базе сидеть!

– Почему? Здесь же спокойнее.

– Чудак! Кому ж нравится под носом начальства находиться? Всегда какую-нибудь работу найдут. Вечные построения. Опять же строевые да твои политзанятия никто не любит. А в рейсе крути себе баранку. Время летит быстро. Дорога, приключения. Над душой никто не стоит. Да увидишь всё!

Соснович даже потянулся от удовольствия, вспоминая и рассказывая о том, что сам испытал. Доводы о близости неутомимых в поисках трудностей командиров-начальников меня убедили. Дорожные приключения пока не прельщали.

– Олечка, Силин сказал, что наркоты много в Афгане. Что, и у нас в роте есть любители?

Лицо старшины сразу стало серьёзным. Он вздохнул:

– Есть, Юрка, есть! Дембеля почти все покуривают. И ни хрена с этим не сделаешь! Ладно хоть на «геше» никто не сидит. Да и то, опять же, чёрт его знает!

– Геша – это кто?

– Не кто, а что. Героин! А это уже крандец! Кто на «гешу» садится – считай, покойник! Если вдруг где увидишь такой маленький пакетик с белым или сероватым порошком – сразу тревога!

– Где увижу?

– Я имею в виду – в роте, в парке или в машине у кого. Тогда большой шмон! Если тебе кинут – выбрасывай, не раздумывая! Пару-тройку раз забросят, увидят, что бесполезно, и не будут.

– Да кто бросать-то будет?

Надо отдать должное Сосновичу – он терпеливо отвечал на все мои вопросы. Наверное, многое казалось ему элементарным, но, понимая, что для меня всё в новинку, Олег спокойно объяснял мне суть дела:

– Духи специально раздают бачатам, пацанятам своим значит, эти самые пакетики с «гешей». Мальцы эти на ДП – диспетчерских пунктах, особенно при въезде в Герат, да и в любых людных местах, где наши останавливаются, просто бросают их в кабину. Кто-то сразу выкидывает. Кто-то в бардачок сунет: типа посмотрю потом, что это такое. Ну, а кто совсем debil, решает разок попробовать. А где разок, там и пошло-поехало. Одним словом, крандец!

– А почему ты говоришь, что пару раз бросят и перестают? Они что, всех помнят, что ли?

– Юрка! Ты не поверишь! Помнят! Хоть наркота здесь дешёвая, но всё равно деньги стоит. Что ж им бабки на ветер выкидывать?! Они же специально сначала бесплатно эту дурь раскидывают, чтобы наших бойцов на иглу подсадить. А потом вычисляют тех, кто торкнулся.

– Понятно. Гады!

– Конечно, гады. А что поделаешь?

Старшина встал из-за стола, подошёл к двери. Зацепился взглядом за мои злополучные чемоданы:

– Юр, давай-ка пока их на стеллаж засунем. Ты как?

– Как скажешь. Давно пора.

Олег открыл дверь и прокричал в пустоту:

– Рубан! Рахматуллин! Ну-ка дежурного ко мне!

Через пару минут появился сержант:

– Вызывали, товарищ прапорщик?

– Да, Серёга. Возьми второго дневального. Из расположения притащите ко мне кровать.

Ту, что ничья, понял?

– Понял. А чо, замполит здесь будет жить?

– Пока здесь. Не забудь, в шесть часов развод.

– Да помню! Задолбал меня уже этот наряд!

– Ладно-ладно, не ной. Завтра рота вернётся, поменяешься.

– Товарищ старшина, а давайте Залевский пойдёт вместо меня.

– Рубан! Иди, неси кровать. Я сам решу, кто пойдёт.

– Ну, товарищ прапорщик...

Соснович, не дослушав сержанта, захлопнул дверь. Подошёл к своим огромным этажеркам, одёрнул занавеску.

– Давай, клади сюда чемоданы свои.

Предварительно я вытащил то, что мне было нужно. И в первую очередь вторую бутылку водки, за что был награждён одобряющим взглядом старшины. Затем впихнул свои баулы на предоставленное место. К своей радости увидел на соседней полке гитару.

– Олег! Твоя гитара? Играешь?

– Так, немного. Для себя. А ты?

– И я для себя.

– Отлично! Что поёшь? Какие песни в Союзе на слуху?

– Разные. Кому что нравится. Я и «Машину», и Антонова люблю.

– О! Я тоже. Ещё наших. Белорусов. «Песняров», «Сябров»...

– Ну, это вообще без разговоров. А Хоралова слышал?

– Не. Это кто?

- Клёвые песни. И поёт классно.
 - Нет, не слышал. Ты кассеты случайно не привёз?
 - Нет. Что-то не подумал.
 - Жаль. Здесь в дуканах, магазинах по-нашему, полно разных кассет с музыкой. Правда, в основном индийские вопли да стоны. Но бывают итальянцы, старый рокешник и даже наши эмигранты. Розенбаума знаешь?
 - Конечно! Он что, эмигрант?
 - Нет, свой. А вот Успенская и Токарев те – да.
 - Этих не знаю.
 - Узнаешь. Их кассеты практически у каждого есть. Слушай, давай по соточке. Там Омеля банчуху самогона приволок.
 - Я знаю. Мне уже Рубан доложил.
- Старшина засмеялся:
- А как ты хотел? Здесь всё на виду.
- В дверь постучали.
- Да!
 - Товарищ прапорщик, кровать!
 - Блин! Вы за ней как будто в штаб дивизии ездили. Заноси!

Поздно вечером в каптёрке Сосновича было не протолкнуться. На весёлый шум и запах самогонки подтягивались всё новые офицеры и прапорщики. Рядом, на моей заправленной как положено кровати сидел Саня Никитин, командир взвода первой роты. Мы были уже далеко не трезвы. Оба одинаково уверены в том, что знаем друг друга сто лет. Или больше.

- Юрка! Радуйся, что в ОБМО попал.
- Я радуюсь!

Сашка обнимал меня за плечи, старался перекричать общий шум в комнате, слюняво тыкая губами прямо в ухо:

– Не, послушай, Юрка, я серьёзно. Чо там те десантники или пехота? Ерунда. Понты! Раз в три месяца сходят куда-нибудь на операцию, а гонору на год хватает. А мы каждую неделю в рейс. Те же боевые.

Я только кивал головой. Никитин продолжал:

– А потом, согласишься, всегда машина под задницей. Это тебе не на своих двоих по горам лазить.

Я соглашался. Александр философствовал дальше:

– Я уже не говорю про наши возможности.

Взводный чуть понизил голос и придвинулся ко мне ещё ближе:

– Джинсики – мынсики, шифончик – муфончик, водочка – дублёночка... Понял?

Я понимал. Вечером этого бесконечного дня мне стало казаться, что я знаю об Афгане абсолютно всё. Мало того! Мне и в голову не приходила мысль, что я пробыл в Шинданде всего лишь день.

– Олег, дай-ка гитару.

Старшина достал с полатей инструмент и протянул мне. Сашка Никитин восхищённо уставился на меня:

– А ты что, играешь?

– Ага! Малёха дёргаю струны.

– Ну, давай, Юраха, спой-ка нам что-нибудь новенькое.

Что-что, а песен я знал превеликое множество. Пока учился в Новосибирске, довелось даже поиграть в курсантском ансамбле. Запел «Мы выбираем путь...» из репертуара популяр-

ной группы «Земляне». Мужики прекратили разговоры и слушали внимательно. По окончании Санька захлопал в ладошки:

– Давай ещё, брат!

Соснович боднул меня в плечо:

– Замполит, споёмся. Ну даёшь! Ты ж классно играешь. А притворялся: «Для себя – для себя». Давай вместе. «Олесю» знаешь? Не, сначала выпьем. Попов! Наливай!

Старшина первой роты подал нам кружки с самогом. Выпили. Запели. Многие подтянули. Получалось не очень дружно, но громко. С чувством заканчивали последний куплет, когда вдруг неожиданно распахнулась входная дверь и в комнату влетел разъярённый командир части. Оглядев всех подскочивших с кроватей, он остановил свой взгляд на мне:

– Не с того начинаете, товарищ лейтенант! Не успели прибыть, а уже пьянствуете! На гитарах бренчите! Что, совсем ох...и?! Третий час ночи! Соснович! Заканчивай бардак! Ну-ка все марш по комнатам!

– Товарищ майор! Мы же...

Старшина попытался что-то возразить, но Кушнаренко перебил его:

– Я что, непонятно сказал?

Дальше командир говорил только матом. Под его монолог все наши гости тихонько удалились. Остались только мы с Олегом. Преданно глядели на комбата.

– Как там тебя? Фадеев?

Я привычно в этот вечер кивнул.

– Так вот, лейтенант! Ты с этих охламонов пример-то особенно не бери! Вмиг забулдыгой станешь! На первый раз объявляю замечание!

Я опять кивнул, хотя по уставу должен был подтвердить услышанное. Но не смог. Командир ушёл. Соснович показал вслед ему фигу:

– Да пошёл он! Тоже, блин, нашёл охламонов! Как будто сам прямо трезвенник! Ладно, Юрка, и правда – давай спать ложиться!

Рухнув на кровать, я поставил точку в своём первом дне на Шиндандской земле.

Глава десятая

На утренний развод следующего дня старшина меня не поднял. Пожалел. Решил, наверное, что закалка у замполита ещё не та. Правильно решил. Я проснулся от жажды. В каптёрке никого не было. Тяжело оторвал голову от подушки. С трудом сел. На часах уже десять. Горели «трубы» отравленного организма. Начали пригорать щёки. От стыда. «Ничего себе, Фадеев! – стучала в лоб нетрезвая совесть. – Вот это «дебютировал» в коллективе!» А когда вспомнил, что умудрился в первый же день получить от комбата взыскание, – совсем поплохело. Одним словом, как говорится, поймал «отходняк» по полной программе. Умылся водой из ведра прямо в комнате. Пить её Олег строго-настрога запретил. Оделся. К зеркалу не походил, чтобы не видеть свои печальные, укоризненные глаза. Вышел в коридор. На тумбочке всё тот же Рахматуллин.

– Дневальный! А где старшина?

Солдат встрепенулся и уставился на меня непонимающими глазами.

– Где дежурный по роте?

– Спит!

– Как спит?! Ну-ка давай его сюда!

Рахматуллин засеменил в сторону кроватей. Через минуту показался Рубан:

– Вызывали, товарищ лейтенант?

– Ты что, спишь, что ли?

– Никак нет! Откуда вы взяли?

– Рахматуллин сказал.

Сержант повернулся к солдату:

– Ты чо, чуркистанец! Совсем нюх потерял?! Кто спит? Ты сказал?

Дневальный испуганно залепетал:

– Нэт, тыварыша сержант! Я сказала – вы койка смотрите...

– Чо я смотрю?

Рубан взял Рахматуллина за пряжку ремня и сильно дёрнул на себя. Боец с трудом удержал равновесие. Я вмешался:

– Э, Рубан! Прекрати!

– А что он, товарищ лейтенант, всякую херню несёт? Мы с Куничкиным в нарды играли.

– Где старшина?

– Он вроде на баню пошёл. Что, товарищ лейтенант, смотрю неважно вам? Небось во рту пересохло?

Сержант откровенно подкалывал меня, но ломать комедию было глупо:

– Есть немного. Перебрал вчера.

Было заметно, что Рубану понравился мой откровенный ответ:

– Зато поёте вы здорово! Мы слышали.

Я поморщился. Совесть продолжала давить на нервные окончания. К нам подошёл Куничкин:

– Здравия желаю, товарищ лейтенант!

– Привет!

– В магазин «Си-Си» привезли.

– Что привезли? – я подумал, что сержанты решили поиздеваться надо мной на пару.

– Напиток такой. Вкусный! Вы в Союзе не пробовали! В баночках.

– Ну, до магазина мне ещё далеко. Денег нет!

– Да какие вопросы, товарищ лейтенант, – они одновременно полезли в свои карманы, и каждый достал по несколько купюр, – вот, возьмите!

Обратив внимание, что денег у ребят много, я для себя тут же сделал вывод: бойцы здесь получают достойно!

– Спасибо, мужики! С полочки отдам, – сказал я им, принимая банкноту в двадцать чеков.

– Да бросьте вы, товарищ лейтенант, – хитро улыбнувшись, переглянулись они, – какие мелочи!

В магазине, пытаясь не замечать изучающий взгляд продавщицы – миловидной женщины за тридцать, я рассматривал витрину, пытаясь сообразить, что же это такое, «Си-Си».

– Новенький? – вопрос, конкретика которого не заставляет задумываться.

– Да.

– С пятой роты?

– Да!

– Говорят, на гитаре играешь и поёшь?

– Бывает.

Мне хотелось только одного, вернее, двух: влаги и удалиться.

– А нам споешь?

Из подсобного помещения вышла ещё одна девушка:

– Ух ты, какой большой!

Женщины рассмеялись. Первая продолжала:

– Что хочешь, касатик?

– «Си-Си»!

– Свет, смотри! Надо же! Второй день в Афгане, а уже в магазин пришёл и «Си-Си» спрашивает... Шустрый! Сколько тебе?

– Не знаю. У меня вот двадцать чеков...

– Ну!/? Так это двадцать банок!

– Нет, двадцать не надо. Две, пожалуйста!

– А ещё и культурный какой!

Схватив две железные банки с каким-то неизвестным для меня напитком, я выскочил из магазина.

Соснович встретил меня в расположении роты широкой белозубой улыбкой. Я с завистью отметил про себя, что выглядел он не в пример мне отлично.

– Как здоровьечко, замполит?

В ответ я только криво усмехнулся и показал ему две банки «Си-Си».

– Ух ты! Уже в магазин ходил? А деньги откуда?

– Рубан занял. Они с Куничкиным подкалывали меня, когда я нарисовался в роте. Потом денег предложили. Я говорю – с полочки отдам, а они смеются. Слушай, а сколько бойцы здесь получают?

– Ни хрена не получают! Семь чеков в месяц.

– Я не понял тогда. У них же по пачке в руках было.

– Дембеля. Поднакопили!

Что-то не очень верилось в это. Олег хитро мне подмигнул.

– Подлечиться не хочешь? Может, по маленькой?

Я отшатнулся от него. Даже мысль о спиртном вызывала рвоту.

– Не. Вчера перебрал. Хватит.

– Ну, ладненько. Тогда вечерком. Мужики вернутся, и посидим по-человечески.

Соснович опять улынулся:

– Командир на утреннем разводе интересовался – где новый замполит пятой роты? Я говорю: приболел малость.

Стыд снова ударил мне в лицо.

– Вот, блин, опозорился. В первый же день...

– Да брось ты! С кем не бывает! Кушнарченко сам иногда так забухает – по три дня не видим! А как трезвый – всех дерёт! Так что не бери в голову! Я вот уже на баню ходил, наши вечером придут с рейса – мыть их надо.

– Так ты говорил, что сгорела баня-то.

– Офицерская – да. Пока все в солдатской моются. Ну, ничего, скоро отделаю новую – будет лучшая в дивизии! Здесь по баням – ух! – какое соревнование! Баня – это жизнь!

Около пяти вечера Олег зашёл в ленинскую комнату, где я просматривал подшивки газет.

– Юрка! Пошли роту встречать!

Мы обошли крайний модуль. Я увидел столбы пыли над площадкой перед въездом в парк ОБМО: крытые брезентом, высокие тяжелые КамАЗы выстраивались в линию. Захлопали двери кабин. Сначала из них на землю падали бронежилет и каска, спальный мешок и противогаз, затем сыпались дымовые гранаты и пашки, боеприпасы и медицинские принадлежности, потом ещё что-то... И наконец показывался грязный, небритый, но с автоматом в руке воин. Он что-то кричал соседу, собирал в охапку свои шмотки и шёл к месту построения. К нам со старшиной подошёл маленький лохматый капитан.

– Олег, это кого ты привёл? – весело спросил он, протягивая руку мне и Сосновичу.

– Замполит наш новый.

– Да ты что?! – Ротный Климцов, а это был именно он, крутился вокруг меня, потирая руки от удовольствия. Подошёл старший лейтенант с удивительно нежным, почти девичьим лицом.

– Марков Коля, замкомроты.

– Юра. Замполит.

– Марчелло, смотри! – ротный примерился со мной ростом и оказался ровно по плечо, – Это ж просто лом какой-то! Как кувалдой своей шмякнет – бойцу кранты!

Соснович и Марков рассмеялись. Старшина добавил:

– Это что, командир! Он до нас полтора года в дисбате служил!

– Да ну?! Ну, тогда полный пиндец!

Ротный обернулся к солдатам, которые с неподдельным интересом наблюдали всю эту картину.

– Так, банда! – Климцов обратился к строю роты. Слово «банда» прозвучало не зло, а, скорее, по-братски. – У нас новый замполит! Смотрите, какой здоровый! Прямо как... – ротный оглянулся на меня, хмыкнул, – бронепоезд! Не советую портить с ним отношения!

Кто-то в строю засмеялся, кто-то просто хрюкнул в кулак. По глазам бойцов я видел, что страха никто не испытал. Ещё я сразу понял, что солдаты любят Климцова. Это меня обрадовало. Значит, в роте есть коллектив. Правда, какой он – воинский или бандитский, мне только предстояло узнать.

Ко мне подошли три прапорщика. «Взводные», – догадался я. От солдат они отличались только солидным возрастом. Всем троим было за сорок.

– Краснянский Миша.

– Бочковский Анатолий.

– Гергель Саша.

– Юра. Фадеев. Замполит роты.

– Да мы поняли уже. Значит Омеля отслужился. Небось пьяный уже?!

Я не успел ответить. Климцов снова обратился к роте:

– Так, оружие сдать в ружпарк – и в баню! Старшина, командуй!

Подхватив свой автомат, ротный обнял меня за плечи и повёл к модулю.

– Ну что, замполит, после баньки гуляем! Сейчас пойду, доложу командиру. Разгрузаться будем завтра. А вы, комиссар со старшиной, стол готовьте!

Капитан помчался в сторону штаба. Я направился в роту.

– Товарищ лейтенант, – меня легко тронул сзади боец, – сержант Багнюк. Климцов сказал вам отдать, – он протянул вещевой мешок, который характерно звякнул и булькнул.

В каптёрке я открыл мешок: так и есть – водка. Пятнадцать бутылок. Меня удивило, что все пробки обмотаны изолентой.

– Чтобы солярка не попала, – пояснил старшина. – В баках через кордон везут. Но всё равно какой-то нефтью отдаёт. Мы эту водку «ашхабадкой» зовём. На Кушке к полевой стоянке, где наши ночуют, её фургонами подвозят.

– Кто подвозит?

– Кто? Туркмены. Они у бойцов скупают джинсы и шифон, мелочёвку всякую типа очков да жвачек. И тарят наших водкой. Что ещё-то из Союза везти? Вот поэтому, Юрок, и водятся у наших бойцов денежки. У кого больше, у кого меньше. Я когда в Афган пришёл – тут мне такие легенды про дембелей из ОБМО рассказывали! Что типа были такие ушлые хлопцы, что по увольнении из Кушки на своих «Волгах» и «Жигулях» домой уезжали.

Я в очередной раз округлил глаза:

– Как это?

– А что «как»? В принципе, очень просто! В Кушке клали деньги на сберкнижку, а не транжирили направо-налево. Вот и накапливалась такая сумма, что на машину хватало... Хотя что-то не особо я в это верю!

– Почему?

– Да это сколько ж надо туда-сюда перевезти товару... Просто физически невозможно! Не каждый же день на Кушку колонны ходят. Да и деньги уж больно большие... Не, врут, наверно!

– Олег! Ну, то, что приторговывает помаленьку народ, я понял. А откуда деньги-то берут на те же джинсы? Если получают по семь чеков...

– Вот тут уже твоя работа, замполит! Следить за нашими бандитами, чтоб не сливали духам соляру, не сдавали аккумуляторы, запаски... Ну, и так, по мелочам... Всё, охламоны, готовы продать... Правда, слава Богу, есть один негласный, но жёсткий закон – не сдавать душарам боеприпасы, гранаты, короче, оружие. Это уже великое западло! За это сами свои так отмудохают, что мама не горюй!

– А что, были случаи?

– При мне ни разу! Но, сам понимаешь, тому же нар-коше, когда плотно сидит на игле, уже насрать на все законы. Так что воспитывай этих раздолбаев!

Я с удивлением осознал, что очередная афганская страшилка не произвела на меня того гнетущего впечатления, как вчера. Наверное, мозг уже начал адаптироваться к новой жизненной ситуации. А может, несколько успокаивала та обыденность, с которой вся эта информация доходила до меня.

Вечером за дружеским столом я увидел весь командный состав пятой роты. Из всех я был самым молодым в Афгане. Ротный и взводные собирались домой, зам и старшина отвоевали почти по году. Пили меньше, чем накануне. Зато сколько интересных историй и баек из жизни автомобилистов я услышал! Побритый и причёсанный Омеля оказался замечательным рассказчиком. В его поведении, настроении, не было ни грамма уныния или обиды по поводу тех служебных неприятностей, с которыми ему предстояло возвратиться домой. На мой сёрдобольный вопрос: «Как теперь дальше думаешь служить?» – Славка ответил просто:

– Юрка! Да хрен его знает! Как получится, так и получится! Живут же люди беспартийными. И ничего, не помирают. Пойду «Ванькой взводным» долбить. После Афгана ничего не страшно! Были бы люди хорошие!

Климцов хлопнул своего, уже бывшего, замполита по плечу:

– Омеля! Поехали вместе! В Ленинградский округ. Я без партийного билета, может, до замкомбата дослужусь, а ты у меня ротным будешь! Зато, блин, на собрания ходить не надо! Взносы платить тоже не надо! Красота!

Все засмеялись. Мне стало чуть не по себе: так о родной коммунистической партии при мне ещё никто не говорил. Комиссарская совесть приказывала: «Встань, Фадеев! Прекрати эти крамольные разговоры!» Приказ совести я не выполнил. Наверное, если бы сказал что-нибудь подобное, то эти нормальные мужики – военные работяги, взяв меня за ухо, выставили бы из комнаты. А мне было с ними спокойно и комфортно. Я почти чувствовал себя равным в этой сплочённой команде. И это было замечательно.

На шутивное приглашение ротного вместе отправиться в Ленинградский военный округ Омеля только хмыкнул:

– На север? Ага, шас! Я – на ридну нэньку Украину! Вон только теперь непонятно как – Юрка-то с Кавказа приехал.

Всё внимание переключилось на меня. Коля Марков, оторвавшись от тарелки с жареной картошкой, спросил:

– Юр, что, правда в дисбате служил?

– Служил.

– Расскажи!

Ну вот, всё начиналось сначала.

На следующий день, на утреннем разводе, я увидел свою роту в полном составе. Бойцы как бойцы. Чернявые и белоголовые, высокие и маленькие. Худые и... совсем худенькие. Загорелые лица. Обветренные губы. Солдаты.

Меня официально представили перед всем личным составом. В строй я встал уже полноправным офицером отдельного батальона материального обеспечения. При прохождении торжественным маршем перед командиром мы с Колей шли вслед за Климцовым. Благо, что Марчелло хоть и был ниже меня ростом, но не настолько, как ротный. В противном случае картина выглядела бы комично: совсем не высокий командир, за ним – дылда замполит, и опять крепыши-малыши взводные.

Рота уехала разгружаться по частям и складам дивизии, а я пошёл к Омеле принимать дела и должность. Сонный Славка обматерил меня за то, что разбудил:

– Юрка, что, офигел совсем?! Время-то сколько?! Какие дела? Тетрадки с протоколами собраний где-то у старшины в каптёрке валяются.

– Слушай, Слав, а комсомольская организация в роте есть?

– А как же! Веремеев, младший сержант, – секретарь. И комсгруппорги взводов есть. Всё как положено!

– А партийная? – спросил и тут же осёкся: – Нет?

– Уже нет.

– Ну, ладно. Пошёл в роту.

– Иди. Слушай, давай вечером доложим, что, мол, всё в порядке: «Должность сдал, должность принял». Я тогда послезавтра и укачу!

Прекрасно понимая, что документация у Омели запущена и ничего с этим не поделаешь, я предложил ему доложить хоть сейчас. Славка обрадовался:

– Да? Спасибо, брат! Сейчас приведу себя в порядок и зайду за тобой!

Мои предположения подтвердились. В потрёпанных тетрадках царил хаос: протоколы общих и комсомольских собраний были явной отпиской, журнал учёта ротных нарушений закончил свою работу полгода назад, книга индивидуальных бесед с военнослужащими «умерла» ещё раньше. Надо было восстанавливать или начинать всё сначала.

В каптёрку заскочил Омельченко:

– Ну что, Юрок, пойдём к шефу?

– Да. Пошли!

Майор Силин встретил нас ленивым кивком головы:

– Что, рапортовать пришли? Что-то быстро. Фадеев! Неужто всё в порядке? Не поверю, что у Омельченко дела подбиты, документация в норме. А?

Омеля сузил глаза и жёстко ответил:

– Что есть – то и есть! Делать ничего не буду! Можете держать меня тут, сколько положено, но толку не будет!

Было видно, что отношения этих двух людей далеки от идеальных. Замполит батальона встал из-за стола.

– Омельченко! Ты за тоном-то следи! Не борзей окончательно. Кто виноват, что так получилось у тебя? Я, что ли?

– Да?! Никто не виноват?! Мы с Мишкой одни такие, да? А все остальные прям ангелы!

Славка разгорался на глазах. Из него, как говорится, попёрло:

– Блин, как «Омеля, водочки привези... ой, а как там джинсики сыну в отпуск...» – это нормально! А как на парткомиссии сказать, что, мол, Омельченко хороший замполит, – так язык в жопе!

– Омельченко! – Силин прикрикнул. Лицо его стало красным. Но Славку было не останавливать. Видимо, он давно решил, что перед отъездом выскажется на полную:

– Ну, я – Омельченко! Что ж, товарищ майор, так сдавать своих-то? За себя очко сыграло?! – похоже, Славка уже не выбирал выражений. Мне стало неудобно присутствовать при этом разговоре. Силин зло бросил мне:

– Фадеев, выйди!

Закрывая за собой дверь, я слышал монолог Омели:

– А почему «выйди»? Что, не хотите, чтоб новенький услышал, как замполит замполита сдал?

Силин закричал в ответ:

– Да никого я не сдавал!..

Он продолжал что-то кричать. Я плотно закрыл дверь в кабинет и отошёл от неё. Мимо меня по коридору прошёл старший лейтенант. Он протянул мне руку и одновременно сказал:

– Аттестаты занеси! Я – начвещь, Олег. На кого это Силин так орёт? В первый раз слышу, чтоб он так матерился.

– Юра. С Омелей...

– А-а. Понятно. Славка решил напоследок пару «добрых» слов сказать начальнику.

– Угу.

– Чтоб не подрались ещё там!

– А что, могут?

– Ну, сейчас вряд ли. А по пьянке – свободно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.